

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ И АЛЕНА НЕФЁДОВА

УХА ИЗ ПЕТУХА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алёна Нефёдова Галина Чередий Уха из петуха

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67295757

SelfPub; 2022

Аннотация

Можно ли в одном котле сварить нежную любовь и яростную страсть? А если добавить туда падения биржевых котировок и ролевые игры? Затем при первом закипании аккуратно влить укрощение норовистого зверя и постижение сабспейса? А еще щедро приправить раздвоением (даже растроением) личности и битвой с морской королевной?

Можно!

Если это варево – Уха из Петуха!

В книге вы НЕ НАЙДЕТЕ, потому что в ней напрочь ОТСУТСТВУЮТ:

- властный герой и криминал,
- любовь по принуждению для героини-девственницы,
- жесть слэш и прочий трэш.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1 срубоприобретательная, в которой главный герой покупает чудный домик в сельской глубинке для поправки пошатнувшегося от тягот городской жизни здоровья	5
Глава 2 соседеявительная, в которой главный герой знакомится с представителем местной власти и другими аборигенами и принимает ударную дозу оздоравливающего продукта	11
Глава 3 мушмулакупительная, в которой главный герой на своей шкуре понимает, что такое революционная ситуация в отдельно взятом желудке, а также впервые встречает Питбуля	19
Глава 4 колючкидоставательная, в которой главного героя терзают непотребные мысли о бабушкиных пирогах и прекрасной селянке	28
Глава 5 вбитвепобедительная, в которой главный герой геройски изгоняет наглого похитителя ночного сна со своей законной территории	33
Глава 6 каннибалосражательная, в которой главный герой, не разделяющий идеалы высокой кухни, предпочитает среднестатистическую полезительную мужицкую яишенку	37

Глава 7 вопросызадавательная, в которой главный герой оказывается не только досыта накормлен, но и с пристрастием допрошен	42
Глава 8 медосымательная, в которой главному герою искренне советуют держаться подальше от особо опасного объекта	48
Глава 9 душещипательная, в которой главный герой невольно задумывается о несовершенстве трудового законодательства и крайне скромно оценивает свою весовую категорию	54
Глава 10 людидобрыпосмотрительная, в которой главный герой вынужденно применяет персональное оружие массового поражения и демонстрирует поразительно глубокие познания отечественного автопрома	63
Глава 11 охотаначинательная, в которой главный герой вытаскивает из глубин генной памяти навыки птицелова и дает неосторожное обещание одному хитрому помощнику	71
Глава 12 исноваранылечительная, в которой главный герой задумывается об этимологии выражения «хранительница очага» и приходит к печальному выводу, что его ни разу в жизни не кормили нормально	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Алёна Нефёдова, Галина Череди́й Уха из петуха

Глава 1 срубоприобретательная, в которой главный герой покупает чудный домик в сельской глубинке для поправки пошатнувшегося от тягот городской жизни здоровья

Отдых в деревне. И какая же благолепная картинка возникает в голове от этой фразы! Уютный домик на отшибе, с живописным, слегка запущенным садом; домашние свежайшие продукты, чей вкус уже толком и не припомнит среднестатистический городской житель; сочная зелень листвы и травы, не покрытая слоем пыли и копоты; свежий воздух, небо с неожиданным множеством звезд повышенной яркости, которого просто не замечаешь в городе...

И непременно тишина-а-а! Ни долбанных соседей сверху, что ни свет ни заря ежеутренне устраивают скачки тяжело-возных лошадей. Ни пронзительного скрипа старого лифта,

угрожающего испустить последний вдох при каждом использовании и шарахающего дверями с непередаваемой ненавистью. Ни чокнутого дятла Вудди за стенкой справа, который, чувствует моя задница с повышенной интуицией, не просто затеял вселенский и бесконечный ремонт, а тупо развлекается, производя самые жуткие виды шумов, какие только можно извлечь из контакта кирпича со всевозможными инструментами, созданными человечеством со времен изобретения колеса...

Но вернемся к пасторали. Итак, отдых в деревне! Это ли не рай для измученной души горожанина! Рай для издерганных нервов! Ну-ну, если он вдруг не обернется адом усилиями одной зловредной пернатой твари! Не подумайте только, что это соловей!

– Вы только полюбуйтесь, Сергей Михайлович, это настоящий сруб, не новодел какой-то! – постучала длиннющим ногтем со стразами по потемневшему дереву дамочка-риелтор в ярко-красном брючном костюме и на высоченных каблуках, на которые были нанизаны кусочки дерна вместе с травой.

Сергею едва удалось сдержать непристойное фырканье, когда она смешно ковыляла по заросшей лужайке к дому, звеня ключами и сто процентов проклиная свою непредусмотрительность. При каждом шаге дева неуклюже выворачивала ногу набок, оттопыривая наверняка старательно прокаченную в модном спортзале попу, натужно улыбалась ему

и бросала краткие, полные ужаса взгляды себе под ноги, буд-то ожидала, что мерзкая мягкая почва поглотит ее вслед за пятнадцатисантиметровыми каблуками. Само собой, он и сам выглядел немного нелепо в своем дорогом костюме в этом заросшем саду перед классическим деревянным домом из крепкого кругляка. Внутри Никольский почти ожидал увидеть вязанные крючком половички и какую-нибудь старинную железную кровать с неким подобием уродливых башенок на спинках. Но, как ни странно, интерьер оказался вполне современным. Конечно, мебель слегка устаревшая и пыль кругом, но если выслать вперед клининговую команду и прикупить новые чехлы, то вполне можно и въехать, хоть завтра. Скривившись, Сергей подошел к окну и, выглянув наружу, обозрел некое пестрое пространство до соседского забора, которое, судя по всему, было раньше цветником, и напомнил себе еще раз, какого черта его принесло в эту глушь. Причин было три.

Первая, самая главная заключалась в том, что три дня назад он взорвался на работе так, что расхерачил комп и полкабинета, когда курс швейцарского франка совершенно неожиданно подскочил к доллару и евро более чем на тридцать процентов, а стоп-лоссы по его открытым позициями проскользнули почти на три тысячи, вместо допустимых двухсот, практически ополовинив его счета. И это при том, что всю свою жизнь слыл не просто невозмутимым парнем, а даже временами занудным, не способным на яркие прояв-

ления чувств. Да, он в курсе о том, как называла его бывшая. «Долбаный Айс-мен». В общем, Сергей получил от своего внезапно понадобившегося психолога ценный совет – максимально сменить привычный образ жизни, свести нахождение в сети к минимуму, выйти из зоны житейского комфорта... и что-то там еще заумное, с непонятными терминами. Причем, когда он спросил, не подойдет ли для этих целей поездка на пару недель куда-нибудь на Гоа, доктор посмотрел на него как на придурка и постановил: «Однозначно деревня!» Очевидно, что имел он в виду совсем не альпийскую деревню на горнолыжном курорте.

Вторая была весьма прозаична – поддавшись на уговоры нынешней девушки, Юли, он продал свою старую квартиру, а в новой еще ремонта месяца на два, как раз до конца лета.

И, наконец, последняя причина – сама Юля была просто помешана на экологии и без конца нудила о том, что детей, которые у них рано или поздно обязательно случатся, лучше всего растить на лоне природы. А посему было бы замечательно купить милый домик в деревне, с живописной лужайкой, на которой она станет вдохновенно заниматься йогой и еще какой-нибудь чрезвычайно важной для здоровья херью. Единственное лоно, которое пока интересовало Сергея, собственно, принадлежало самой Юле, да и то с каждым днем интерес этот просыпался все как-то реже и реже. Так что в гипотетическом появлении у них совместных детей, да чего там, детей у него в принципе, по крайней мере в ближайшем

обозримом будущем, он сильно сомневался. Но, быстренько промониторив рынок недвижимости, выяснил, что покупка участка с домиком именно в этом пока захолустном, но весьма перспективном для будущих коттеджных застроек районе, всего в пятидесяти километрах от города, будет неплохим вложением денег, решил – а почему бы и нет. Если ему самому этот дом сгодится только для временной реабилитации, то потом он всегда его с выгодой пихнет парочке таких вот дебилов детолюбов-экологов.

Почему дебилов? Да потому как... ну кто в своем уме может хотеть этого... ребенка. Все, что он уяснил, посещая женатых и обзаведшихся спиногрызами друзей – это жутко шумные, дурно пахнущие, не способные ни единой минуты о себе позаботиться существа, которыми почему-то принято восхищаться, даже если они исполняют нечто вроде бессмысленного нижнего брейк-данса на полу, портят воздух или рыгают.

– Сергунчик, мимимишечка мой, ну не могу я маме отказать! – ныла Юля, притираясь к его спине голыми сиськами. – У нее сейчас сложный период, сам пойми! Развод – это такие хлопоты и стресс.

Сергей хмыкнул и потер нос, скрывая усмешку. Ну да, развод – это, наверное, только первые три раза личная траге-

дия и крушение жизненных планов, а к седьмому и правда – хлопоты и повод для стресса, избавиться от которого можно только на островных курортах.

– Вообще-то я эту халупу купил только потому, что ты мне мозги все проела про долбаную экологию! – вяло возмутился он, расстроенный не столько самим фактом отъезда Юли, сколько тем, что придется всю суету с обживанием на новом месте взвалить на себя. А было так лениво, да и перспектива воздерживаться почти три недели как-то не прельщала. А он сильно сомневался, что в той деревне найдется какая-то добрая привлекательная селянка, которая на время войдет в его бедственное положение. Обогреет, приласкает, поможет устроиться, а потом самое главное – свалит бесследно, когда Юля прикатит со своих курортов.

– Ну не дуйся, котик! – Девушка, преодолевая его наигранное сопротивление, повалила Сергея обратно в постель и устроилась между его раздвинутых ног. – Я тебе все-все компенсирую.

Ну, если только так, то, в принципе, он и не против самостоятельно вынести все тяготы временного переезда на своих плечах, подумал мужчина, наблюдая, как светлая макушка Юли набирает устойчивый ритм у его паха.

Глава 2 соседеявительная, в которой главный герой знакомится с представителем местной власти и другими аборигенами и принимает ударную дозу оздоравливающего продукта

– М-дя, – задумчиво почесал затылок переселенец, обозревая кучу коробок, загромаздившую его новую гостиную. Риелторша с сияющим лицом упорхнула чуть больше часа назад, на прощание предупредив его:

– Ой, вы смотрите тут, Сергей Михайлович, вы мужчина видный и одинокий, местные дамочки о вас быстро разнюхают. Вы их лучше сразу пожестче отвадьте, а то будут отирать-ся всякие отчаявшиеся искательницы счастья, желающие за чужой счет к городским благам перебраться. Это же деревня, мужиков нормальных по пальцам пересчитать можно. Одна пьянь да нищета.

В приоткрытую дверь аккуратно постучали, и женский голос спросил:

– Можно войти?

Ого, быстро тут селянки реагируют.

– Ну, входите. – Мужчина плюхнулся на диван, закинув ноги на ближайшую коробку, готовясь дать достойный отпор первой местной охотнице.

Вошедшая женщина была молодой, русоволосой, довольно стройной, насколько позволяли увидеть джинсы, совсем не в обтяжку, как сейчас модно, и свободная красная футболка. Загорелая кожа, масса столь ненавистных городским красавицам веснушек, голубые глаза, глядящие на него с любопытством и некоторой настороженностью. Вполне симпатичная такая дамочка, лет около тридцати, хотя на вкус Сергея очень уж простовата.

– Ну, давайте знакомиться, Сергей Михайлович, – достаточно радушно сказала она.

Нет, ну ни фига себе! Не успел порог переступить, а о нем уже и все справки навели. А еще говорят «деревня». Размер оклада его еще не пронюхали?

– А давайте без давайте! – недружелюбно насупился Сергей. – Знакомствами не интересуюсь и близкие отношения заводить тут не собираюсь! Так что если вы с таким прицелом, то можете сразу назад поворачивать, девушка! Со мной ловить нечего!

На секунду, кажется, гостья оторопела, а потом действительно повернулась и молча вышла. А Никольский раздраженно крикнул и пихнул коробку. Это в какой такой момент он успел стать хамом и грубияном? Можно же было и по-

мягче. Захотелось догнать женщину и извиниться, но он не сдвинулся с места. А ну его, так и лучше даже. Пусть разнесет слух, что соваться к такому городскому мудаку не стоит.

Снова раздался стук, но в этот раз громкий и решительный. Да что же это за паломничество такое?

– Не заперто! – гаркнул Сергей и открыл рот, увидев недавнюю посетительницу, вот только одета она была теперь в полицейскую форму.

– Прошу прощения, у нас вышло недопонимание по моей вине, – отчеканила она, глядя на него холодно, почти с неприязнью. – Участковый инспектор Апраксина Лилия Андреевна, пришла к вам с целью ознакомиться с личностью нового жителя находящейся под моей ответственностью деревни. Предъявите, пожалуйста, документы.

Новый житель моргнул и не сдвинулся с места. Потому что если бы он это сделал, госпожа участковый инспектор имела все шансы заметить его мгновенно возникший стояк. Вот же, блин, засада!

Да уж, знакомство вышло то еще. Но кто же знал, что она не охотница на вновь прибывшего городского жениха, а представитель местной власти? Кто так приходит знакомиться, тем более к нему, человеку, к местной специфике еще непривычному. Его ведь это оправдывает перед законом? Судя по взгляду этой Лилии Андреевны – не особо. Ну и не очень-то и хотелось, между прочим, сама во всем вино-

вата. «Давайте знакомиться!» Кто так делает вообще?

Сергей сто раз сказал себе плюнуть, пока несколько часов коробки распаковывал и рассовывал вещи и кухонную утварь по местам, но странная смесь раздражения и возбуждения никуда не девалась, и веснушки на загорелом совсем не под искусственным солнцем лице стояли перед глазами, как приклеенные. Вот если бы не облажался так, то черта с два про нее и вспомнил бы через пять минут. На что там посмотреть... кроме формы. Кто же знал, что его так проймет? И сам был не в курсе, что есть у него, оказывается, такой пунктик. Надо к Юлькиному приезду купить в секс-шопе форму и заставить ее обрядиться. Пусть документы тоже спросит.

– Че-е-ерт! – прошипел ушибленный фантазией, ощущая, как опять в паху потяжелело. – Ты это прекратишь?

Знать бы еще, к кому он обращается. Уморившись, к вечеру он выполз во двор. В конце концов, куда все это барахло денется? Он сюда отдыхать по врачебной рекомендации прибыл, а не впахивать и лишний стресс зарабатывать из-за всяких там...

Обернувшись на невнятный шум за забором, граничащим с соседним участком, Сергей аж остолбенел, столкнувшись с жутковатым взглядом почти прозрачных светло-голубых

глаз из-под нахмуренных седых бровей. Крепоньякая старушка в светлом платке, заливчато повязанным на манер банданы, не мигая пялилась на него из-за штaketника, и у него в голове закрутились мысли о порче, сглазе и прочей мистическо-мрачной хрени, ибо старушенция выглядела как натуральная ведьма. Ну, по крайней мере, ему казалось, что именно так ведьмы выглядеть и должны. Тфу, ну не дурак ли?

– Приезжий! – бабка совсем не спрашивала. – А ну, подь сюды!

На секунду Сергею захотелось развернуться и ломануться к дому. Идиотизм какой-то, точно нервы уже ни к черту! Подойдя к забору, он улыбнулся бабке, хотя самому показалось, что лицо скорее перекосило. Старушенция окинула его придиричавым взглядом с ног до головы и еще больше поджала тонкие бескровные губы.

– Городской! – изрекла она так, словно присвоила ему высшую степень инвалидности, а потом вдруг соболезнующе, но при этом настолько искренне улыбнулась, что у мужчины аж сердце скакнуло от такой внезапной перемены.

– На, милок. Откушай молочка пАрного. Тока-тока с-под коровки. У мяня Бязрезка-от дуже сладкое молочко дает.

– Что, простите? Какая березка?

– Да корову бабкину так зовут – Березкою. Ты, дядь, пей. Правда ведь вкусно.

Горожанин с вымученной улыбкой взял глиняную круж-

ку, протянутую ему через забор. Кружка была литра на пол, не меньше. Пузатая, с большой, но при этом неудобной ручкой, что так и норовила выскользнуть из пальцев. И тяжелая, зараза. А над кружкой колыхалась шапка крепкой белоснежной пены. Примерно такой, как подает его супер навороченная дорогушая итальянская кофе-машина, запрограммированная на изготовление классического капучино.

– А если бы оно с подвалу было бы, холодненькое, да с крошками... У-у-у, на завтрак такое ваще класс – лучше всяких музлей ихних городских. Еще вот с медком свежим хорошо идет, – важно, со знанием дела продолжил еще один персонаж внезапно обрушившейся на него пасторали – стоявший за спиной бабки пацан лет шести: рыжий, конопатый, с шелушащимся носом малец, ловко держащий близнеца глиняного монстра и вку-у-усно свербающий из нее свою порцию «березкиного дже сладкого». – Мы, кстати, скоро липовый качать будем, да, ба?

– Вишь ты шустрый какой. Через месяц тока качать будем. Йонсый околеваит тот липовый. Его там будет – тьху, с кошкин хер.

– Ба, ну опять ты... мамка услышит – заругает.

– Ой, морчи уж, заруганный поди весь. А ты пей, – грозно мотнула головой бабка, да еще и корявым пальцем пригрозила так, что загипнотизированный Сергей в несколько глотков опорожнил глиняный сосуд со свежавыдоенной амброзией, папахивающей... ну... скажем так, далеко не гол-

ландскими розами.

– Хорошо молочко-то? – опять посуровела бабулька, сверля его глазами так, что бедолага был уверен – не согласись он, и будет ему расстрел на месте.

– Хорошее, – послушно закивал он. – Очень вкусно, спасибо.

– Как звать-то?

– Сергей Ми... Сергей. – И чего он заикается?

– Надолго к нам, али так, здоровье поправить? – продолжила допрос соседка.

– М-хм, – выдал нечто неопределенное Сергей, подкрепив исчерпывающий ответ взмахом руки с кружкой.

– Ну понятно, – вынесла вердикт старушка и проворно выхватила предмет утвари. – Ты за молоком да творогом-то обращайси. Баб Надей меня кличут. Может, хоть на человека на нормальных харчах похож станешь.

Вот и разбери – пожалела или обругала.

– Э-э-эм-м, погодите! Сколько я за молоко-то должен? – спохватившись, крикнул вслед господин Никольский.

– Чай не ведро вылебал, не обнищаем, – отмахнулась женщина. – Привыкли у себя со всякими маркетами за чайную ложку ёгуртОв всяких мульены выкидывать! Пробовала я ту отраву – тфу, упаси бог еще раз сподобиться!

– Дядька, а ты рыбалку любишь? – торопливо спросил рыжий кузнечик, почесав шелушащийся нос. – А по грибы ходить? А лесопет починить можешь?

Мужчина едва успел обработать только первый из поступивших запросов, сам у себя интересуясь, любит ли он рыбалку, как бабка прикрикнула на мальчишку:

– Отстань от человека, Тоха! Не видишь, он совсем ведь городской, – и опять это прозвучало как безнадежный диагноз. – Быстро дуй клубнику оббирать!

– Пока, дядь Сережа! – махнул тонкой поцарапанной лапкой пацан и припустил за бабкой.

– Ну, спасибо... еще раз, – только и нашелся ответить Сергей.

Глава 3 мушмулакупительная, в которой главный герой на своей шкуре понимает, что такое революционная ситуация в отдельно взятом желудке, а также впервые встречает Питбуля

Вот недаром Сергей не любил эти восточные базары – шумно, гамно, грязно, негигиенично и жуть как антисанитарично-о-о-у-у. Ат, Юлька! Ну, заррраза! Выклянчила шаурму, сама не сожрала, а у него теперь живот крутит, ва-а-ай-ва-а-ай... И, главное, ни аптеки рядом, ни, пардон муа, туалета. А, нет! Вон же они – заветные WC! И тут откуда ни возьмись под ноги кинулся какой-то юркий мерзкий типчик и как гаркнет:

– КУПИ-И-И-И! КУПИ-И-И МУШМУЛЛУ-У-У!

От жуткого вопля, ввинтившегося в мозг, его подкинуло на кровати. Сердце заходило дурным галопом, мокрая от пота простынь прилипла к спине, живот крутило так, что заветные буквы, те самые, привидевшиеся в дурном сне, моргали прямо на сетчатке глаз.

– КУПИ-И-И-И! КУПИ-И-И МУШМУЛЛУ-У-У! КУ-

ПИ-И-И!!!

– Убью-у-у! – не зная, кому грозит, взвыл измученный сельской идиллией горожанин и, пробуксовывая на скользком, тщательно вымытом деревянном полу, рванул на выход по направлению к сокровенному дощатому зданию, молясь всем своим атеистическим богам о нескольких секундах надежной работы сфинктера.

– МУШМУЛЛУ-У-У! КУПИ-И-И!!!

– С-с-су-у-у...

– КУПИ-И-И!!!

– Па-а-адла-а-а! Да что ты такое?

Вывалившись на дрожащих от слабости ногах из устоявшего под напором молодецкого турбонаддува заведения, Сергей дополз до крыльца и нащупал трясущейся рукой пачку сигарет, оставленную с вечера на периллах веранды. Вытащив сигарету, он клацнул Зипповской зажигалкой...

– МУШМУЛЛУ-У-У!

– Да эпический городской! – завертел головой ошалевший переселенец, пытаясь определить, что за гребаный баньши вытягивает душу из его бледного городского тела, измотанного «дуже сладким бярезкиным» и ночным кошмаром, воплотившимся в тривиальную диарею. Но горластый мерзавец, услышав его, подавился на середине вопля и, издав странное бульканье, затих. Мужчина постоял немного на крыльце, настороженно вслушиваясь и таращась в темноту, но ничего, кроме нудящих одно и то же сверчков и далекого,

дерущего глотку в любовной горячке соловья, не услышал. Ноги ощущались не слишком надежными, в животе медленно затихал конфликт интересов между пищевыми объектами городского и сельского типа, а глаза упорно норовили закрыться. Шаркая и тихонько матерясь при очередном столкновении с коробками, страдалец поплелся к дивану в гостиной. Мало ли, вдруг опять застигнет новый виток внутреннего катаклизма, так что лучше быть поближе к двери. С блаженным стоном он растянулся, чувствуя себя героем старого мультика. И подушечка-то у него тут мягкая, и одеяло пушистое, и диван чудо как хорош...

– КУ-У-УПИ-И-И... – рванулось сквозь такую сладкую дрему, моментально охватившую его.

– Ах ты тварь! – взбрыкнув, Сергей грохнулся с узкого дивана и, смачно матернувшись, ломанулся на выход. – А ну выходи, сука! Прикалываться над дураком городским решил?! Я тебе сейчас, козлина, на веки вечные чувство умора ампутирую!

Проорав это, мужчина оглянулся в поисках орудия массового истребления ночных юмористов, и его кровожадный взгляд наткнулся на метлу, скромно притаившуюся в уголке. Такую самую что ни на есть настоящую, из корявых прутьев и ручкой из немного узловатого молодого древесного ствола, не то что пластиковые дешевки, продающиеся в каждом маркете для сада и огорода. Схватив и взвесив находку в руке, Никольский одобрительно хмыкнул и крутанул ее в руке,

на манер киношных мастеров боевых практик, тут же чуть не врезав самому себе по носу. Спустившись со ступенек, он коварно и торжествующе оскалился в темноту:

– Ну, давай, смертник, подай еще голос!

И сразу же, будто только его команды и дожидался, гаде-ныш завел свое «Ку-у-упи-и-и», только теперь откуда-то из-за дома.

– Ах ты играть со мной еще будешь?! – азартно взрыкнул начинающий мститель и понесся на звук. Но, едва обогнул дом, взвыл дурным голосом. Такое чувство, что он сиганул босыми ступнями на долбаную утыканную гвоздями йоговскую лежанку, а голые ноги до самого ценного мужского оборудования были атакованы стаей невидимых в темноте взбесившихся котов, задумавшими спустить с него всю шкуру. Развернувшись на месте, Сергей только все ухудшил, и злобные когти вцепились теперь в его задницу. И в довершение очередное пронзительное «Ку-у-упи-и-и» раздалось где-то прямо над его головой.

– Да чтоб ты сдох! – завопил Сергей, стараясь перекрыть мощью своих легких подлого шутника, коварно заманившего его, идиота, в колючие кусты.

– Сергей Михайлович, у вас все в порядке? – мощный луч фонаря ударил ему в лицо, ослепляя, но, к сожалению, не оглушая и не позволяя по волшебству провалиться сквозь землю. Ну, чего уж там, как же без апофеоза наполненного дерьмом вечера в виде появления его внезапной сексуальной

фантазии, она же представитель закона в одном лице! «Наполненного дерьмом», надо сказать, в совсем не переносном смысле. Луч опустил ся, освещая его целиком, и Сергей представил, как он сейчас, должно быть, сказочно выглядит. Столичный заносчивый бизнесмен, успевший зарекомендовать себя в ее глазах как редкостный мудачина, стоит босой, почти голый среди кустов, больше смахивающих на колючую проволоку, и орет как ненормальный не пойми на кого. Еще и с метлой. Ну да, двор подмести приспичило, а то как-то бессонница. Да, уж провалиться точно бы не помешало.

– Э-э-эм... – только и сумел проблеять пойманный с поличным городской дебошир, подыскивая хоть какое-то объяснение своему поведению.

– Если вы полетать вдруг собрались, то, боюсь, эта метла свой моторесурс уже исчерпала, – в голосе Лилии Андреевны не слышалось ни единой нотки юмора. И слава богу, ему на сегодня клоунады, кажись, выше крыши.

– Спасибо, что предупредили! – огрызнулся он и гордо шагнул... тут же чуть не валясь кулем со страдальческим воплем. Утыканные шипами ноги, о которых он забыл, от неожиданности напомнили о себе.

– Господи, как же вас так угораздило! – подскочила к нему участковый, подставляя страдальцу крепкое плечо. – До дома самостоятельно дойдете?

– А если нет, донести предложите? – фыркнул поверженный герой, осознавая окончательно весь тупизм ситуации.

– Есть неплохая альтернатива в виде хозяйственной тележки. Мы на ней навоз вывозим.

Услышав последнее, мужчина уже не смог сдержаться и непристойно захрюкал, заходясь в почти истерическом смехе.

– Наво-о-оз? – едва не икая, переспросил он. Точно в тему! И что он раньше вообще знал о понятии «дерьмовый день»?

До дома он ковылял, косолапя по-медвежьи, максимально выворачивая пострадавшие ступни. Лилия Андреевна молча следовала за ним, светя ему под ноги, хотя чего уж там теперь. В районе левой ягодицы Сергей ощущал странный холодок и не без оснований подозревал, что чертовы кусты отомстили ему за вторжение порчей нательного текстиля, но начинать судорожно щупать и проверять, не мелькает ли его бледная задница перед взором его почти конвоирши, он стремался. Да и, честно говоря, задница, может, и бледная, но вполне так ничего, в хорошей форме, ему неоднократно об этом говорили. Например, его личная тренерша в фитнес-зале. Понятно, что это ее работа – убеждать его, что деньги он там спускает совсем не зря, но... Вот и какого хрена он сейчас-то об этом думает?

– Вам соседи, что ли, на шум пожаловались? – решил он переключить свои мысли.

– Ну вообще-то, это я ваша соседка. – Он и не знал, как на это реагировать. – Услышала странные крики и вышла

проверить.

– Ага, значит этого мерзавца, изводившего меня, вы слышали? – почти обрадовался мужчина.

– Простите? – У нее еще хватает наглости звучать искренне удивленной! Она что, заодно с этими... Оборотниха!

– Что простите! – вскипел Сергей. – Хотите сказать, что не слышали этих диких воплей? – набрав побольше воздуха, он вдохновенно воспроизвел, как мог: – КУ-У-УПИ-И-И МУШМУЛЛУ-У-У!

Даже в отблесках фонаря он разглядел, как изумленно моргнула несколько раз Лилия Андреевна.

– Ах, вы об этом! – облегченно вздохнула она. – Это вас Питбуль так вывел из себя?

– Какой к чертям Питбуль! – почти топнул ногой преисполненный праведным гневом потерпевший, но зашипел от боли.

– Это петух. Одичавший. Сбежал от кого-то и так и прижился тут. Уже года два как.

Никольский тупо лупал глазами, пытаясь уложить в голове информацию.

– Какой такой петух?

– Карликовый. Породы не помню. Хитро как-то зовется, – охотно пояснила молодая соседка.

– Вы сейчас издеваетесь, конечно, надо мной, – констатировал Сергей. – Это за то, что повел себя как скотина вначале?

– Сергей Михайлович, и в мыслях не было. Питбуль – и правда петух, и живет он тут.

– Так как же вы умудряетесь тогда спать по ночам, если это так?

– Не знаю, – пожала плечами участковая инспектор. – Я его, собственно, и не слышу. Привыкла.

– То есть, как он голосит, вы не слышите, а мои крики сразу слышали? – ехидно поинтересовался Сергей.

– Говорю же, в деревне мы к такому привыкшие, а ваша... м-м-м... активная деятельность привлекла мое внимание.

Это что, такой вот избирательный слух в действии? С другой стороны, умудрялся же он как-то спать в городской квартире, даже по выходным, когда соседи затевали шумные вечеринки.

Доковыляв до ступенек, неудавшийся победитель ночных юмористов вцепился в перила и не сумел сдержать болезненного шипения. Лилия Андреевна обогнала его и, войдя первой в дом, включила свет. Прекрасно, теперь если чего и не рассмотрела из его плачевного вида, то наверстает.

– У вас пинцет есть?

– Что?

– Пинцет, колючки вытащить.

– Да я как бы и так справ...

– Сядьте! – властно приказала женщина, и Сергей предпочел подчиниться. Во-первых, какой дурак станет спорить с представителем органов, а во-вторых... во-вторых, его гре-

баный хрящ любви внезапно заинтересованно шевельнулся, желая узреть, кто это умеет говорить таким вот тоном. Никольский кинул быстрый взгляд вниз, надеясь, что хоть впереди обошлось без дыр, и послушно усадил свой зад на диван, целомудренно подтягивая к себе одеяло.

– Не двигайтесь и ждите меня. Я мигом обернусь!

Лилия Андреевна быстро растворилась в ночи, мелькнув подолом пестрого цветастого халата, оставив его рассматривать цепочку из собственных следов с крошечными кровавыми капельками. Чисто японский ужастик, мать его! Петух! Долбануться можно! А ему уже черт-те что придумалось. Интересно, какая служба занимается одичавшими петухами-террористами. Карликовыми, едрит их! Может, в какой-нибудь отлов животных позвонить? Или если он дикий, то тут к егерям обращаться надо? Этот гад может быть хоть десять раз карликовым, а орет, как целая толпа рыночных зазывал, и жить так невозможно.

Глава 4 колючкидоставательная, в которой главного героя терзают непотребные мысли о бабушкиных пирогам и прекрасной селянке

Госпожа участковый появилась в дверном проеме так же бесшумно и стремительно, как и исчезла. Привидение власти, ей богу! Она несла небольшой красный тазик, уперев его в свое округлое бедро, и при каждом шаге полы халата немного распахивались, совсем чуточку демонстрируя очертания ее ног выше колена. Чуточку, но Сергею хватило для нового бунта нижней кобелиной чакры. А когда она грациозно опустилась перед ним на пол и наклонилась чуть вперед, ставя свою ношу и открывая вид на коварную ложбинку между грудей, к которой его глаза тут же словно гвоздями прибили, мужчина страдальчески сглотнул и судорожно стиснул одеяло на своих бедрах, глубоко втягивая воздух, пропитанный ночной прохладной свежестью и еще чем-то, бьющим прямиком в глубины подсознания.

...А он такой румяный, с корочкой глянцевой, хрустящей, сам-то духмяный, паром сытным исходит, и капуста в нем с яичком вареным, а на донышке лист капустный с угольком, к нему приставшим, на капустном-то листе самые вкусные

пироги из печи получаются...

– Попробуйте, не горячая? – подняла глаза Лилия Андреевна, ловя его ошарашенный выкрутасами собственного мозга взгляд.

– Что?

– Воду попробуйте, не горячо ли, – терпеливо повторила женщина.

От внезапно нахлынувшего воспоминания о бабушкиных пирогах живот утробно зарычал, а Сергей, не удержавшись, гулко сглотнул. И что за напасть с этой селянкой – ну вот ладно бы только нижнюю часть тела будоражила ложбинками да коленками круглыми, так еще и что-то глубоко-глубоко запрятанное, никому не показываемое столько лет, умудряется вытащить наружу. И с чего? А всего лишь пахнуло от нее чем-то неуловимо сладким, женским – но не терпким запахом страсти, от которого тело звенит и вибрирует, а забытым домашним теплом, уютом, пирогами, которые пекут для тебя и так, как ты любишь, а не покупают на бегу в ларьке у метро; той нежной заботой, выраженной в свежeweыглаженной рубашке, кружке крепко заваренного чая с лимоном, в привычном, но столь необходимом ежедневном вопросе: «Как прошел твой день, любимый?» и ответе: «Скучал по тебе, любимая...»

«Э-э-э, это точно твои мысли, мужик?» – охренел debil.

«Да я сам охренел, – мысленно ответил debilу Сергей. – Ну его к лешим, это бабкино молоко, так и последние мозги

можно в галюне оставить».

«Но по первому пункту склонен с Вами согласиться, коллега. Я б вдул», – поправил средним пальцем дужку воображаемых очков на переносице воображаемый дебил.

«Чур, я первый», – поддержал Серега.

– Сергей Михайлович?

– А? – встрепенувшись, он, моргая, уставился в тазик. – Это зачем?

– У вас все ноги перепачканы, как же я буду колючки вытаскивать? – пояснила ему Лилия Андреевна и добавила успокаивающе, как для маленького: – Я очень осторожно, опыт имеется.

У нее есть опыт по мытью ног малознакомым мужикам? Вот и где и каким образом она его приобрела, спрашивается? Нет, ну твое ли это собачье дело? С чего так выиграло ретивое мужское на пустом-то месте?

Не дождавшись его ответа, Лилия Андреевна аккуратно, но уверенно обхватила его лодыжку и, приподняв, опустила в воду. Сергей хотел взбунтоваться. Вот что это за нарушение личного пространства. Прямо домогательство в чистом виде! Но едва пальцы ласково скользнули по своду стопы, резко сдулся. Потому что... а-а-а-а-а-а... это был реальный кайф!

Он даже пощипывания в местах боевых ранений не заметил, потому что каждое поглаживание отдавалось прямоком в его члене. Мама дорогая, сколько лет прожил и знать не

знал, где у него, оказывается, эрогенная зона имеется. Да еще какая! У Сергея чуть глаза не закатывались, и только и оставалось, что зубы стискивать, чтобы не застонать в голос, как офигевшая порноактриса, у которой внезапно приключился самый настоящий оргазм.

Испугавшись собственной неадекватной реакции на эту эротическую пытку, Сергей резко подался вперед, бормоча «да что я, сам ноги помыть не могу чт..» и спровоцировал очередную аварию, столкнувшись лоб в лоб с поднявшей голову Лилией Андреевной. Господи, да он за всю жизнь не попадал в такое количество дурацких и неловких положений, сколько за последние сутки!

– Больно? – доконала его сочувствием женщина.

Нет, это уже просто выше его сил!

– Знаете, что, Лилия Андреевна, я, пожалуй, справлюсь сам. И вообще – поздно уже и все-такое... – Ну красавец ты, Серега, человек тебе помогает, а ты выпроваживать ее кидаешься. Но если так и дальше пойдет, сидеть ему завтра в кутузке по обвинению в нападении и принуждении. Вот только к чему первым делом принуждать станет, он еще и сам не понял. То ли непотребностями всякими заниматься, то ли пирожков напечь.

Возражать и настаивать Лилия Андреевна не стала, только кивнула на бутылку с коричневой бормотухой.

– Это настойка прополиса. Очень хорошо обеззараживает

и раны заживляет. Обработайте царапины, – быстро дойдя до двери, она обернулась: – Я завтра загляну вас проверить и все заберу. Спокойной ночи, Сергей Михайлович.

Покосившись на бутылку, Сергей оттолкнул ее подальше, как будто она кусалась.

– На фиг, молока мне на сегодня выше крыши! В задницу еще и народные средства, а то и до утра не дотяну!

Кое-как избавившись от колючек, он обтер ранки антибактериальными салфетками и, кряхтя и охая, дошел до спальни. Повалился лицом вниз и блаженно вздохнул, почти сразу начиная погружаться в дрему.

– КУ-У-УПИ МУШМУЛУ-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У-У! – раздалось где-то прямо под окном, и Сергей злобно оскалился, натягивая подушку на голову. Ну ладно, стервь пернатая, ты сам нарвался! Война так война!

Глава 5 в битве победительная, в которой главный герой геройски изгоняет наглого похитителя ночного сна со своей законной территории

Двадцать три раза. Именно столько раз проорал горластый мерзавец, прежде чем наступила тишина, в которую уже и не верилось. Сон как рукой сняло, и Сергей лежал, настроженно вслушиваясь, морально готовясь к новой акустической атаке. Но, очевидно, петух удовольствовался своей победой или просто выдохся. Ничего-ничего, торжествуй пока, поганец. Пытаясь наконец уснуть, мужчина стал считать про себя овец, уныло констатируя, что баран-то тут, похоже, всего один – он сам! Это же надо было умудритьсякупить чертов дом с таким обременением! Как уснул, и сам не понял, зато проснулся мгновенно, когда по мозгам треснуло очередным «Ку-у-у-у-у-у-и-и-и».

Никольский сел на кровати, чувствуя себя зомби. Очень своеобразным, надо сказать, зомби, любимым блюдом которого являются куриные мозги.

Посмотрел на часы – пять минут восьмого. Ладно, пришло время взглянуть своему врагу в лицо... или что там у

петухов? Выглянув из окна спальни, он обозрел территорию внезапного междоусобного конфликта. Противника нигде не было видно. Придется осуществить вылазку непосредственно на место. Чувствуя себя героем-разведчиком, мужчина вышел во двор и, крадучись, стал обходить дом, внимательно на этот раз глядя под ноги. Холоднющая роса буквально обожгла пальцы ног в шлепанцах, заставляя их рефлекторно поджаться. Петух был обнаружен у сарая в глубине двора, и, судя по пристальному взгляду одного блестящего глаза-бусины, засек он Сергея первым. М-дя, потеря тактического преимущества в виде внезапности получается. Тфу! Понесло в самом деле!

– Ну вот мы и встретились! – ухмыльнулся законный владелец угодьев, пренебрежительно рассматривая тщедушное тельце коварного истребителя его нервных клеток.

Петух и в самом деле выглядел не слишком впечатляюще – ростом едва ли сантиметров тридцать, с ярким черно-красным оперением, гладким, перышко к перышку, отливающим зеленым блеском, словно и не живой вовсе, а вырезанная искусным мастером статуэтка из полудрагоценного поделочного камня. Где в этом шибздики только могли родиться те дурные децибелы?

– Имей в виду, ты выселен! Пшол вон! Выметайся по-хорошему! – счел нужным сообщить своему пернатому визави мужчина. В ответ петух только повернул голову, посмотрел на него вторым глазом, а потом, потеряв интерес, стал

скрести ногами и что-то там выклевывать. Хотя Сергей не без оснований подозревал, что дело совсем не в гастрономическом интересе, а в желании продемонстрировать полное пренебрежение к его словам.

– Кыш отсюда! – начал заводиться начинающий селянин и махнул руками. – Иди выноси мозг кому-то другому!

Ага, теперь-то он привлек внимание проклятой птицы! Издав возмущенное «Ку-у-у-о-о!», петух шарахнулся от него в кусты. Неужели все так просто? Воодушевившись легкой победой, борец за тишину схватил валявшуюся неподалеку палку и стал азартно колотить по зарослям, гоня мерзавца все дальше.

– Сергей Михайлович, вы снова на тропе войны? – раздавалось за спиной, и Сергей стремительно обернулся, но, увидев Лилию Андреевну, счел за благо тут же снова отвернуться. Она опять была в форме, а учитывая, что на нем из одежды были только спортивные штаны, данный факт грозил стать очередным поводом для его неловкости. Нет уж, премного благодарен. Вчера было более чем достаточно.

– Занимаюсь очисткой территории от паразитов! – почти огрызнулся Сергей, саданув по кустам своим орудием и прогнав петуха еще на пару метров. – Надеюсь, вы, как представитель закона, не против?

– Нет, что вы, пока не откопаете топор войны, не начнете им бросаться в окружающих и ваши действия не попадут в сферу моей ответственности! Только вы уверены, что ваши

усилия принесут желаемые плоды?

– Пф-ф! – гордо фыркнул триумфатор, тесня противника еще дальше. – Еще как уверен! Пусть этот гад ищет себе новое пристанище! Я его на своей земле терпеть не намерен!

– Ну, раз так, то хорошего вам дня! – в последних словах ему, может, и послышался тонкий намек на насмешку, но он сделал вид, что страшно занят своими победоносным продвижением к дальней границе участка и поворачиваться, дабы убедиться, не стал. Будут потом веснушки эти весь день перед глазами еще торчать – не сотрешь.

– И вам так же, – только и буркнул он.

Прогнав пернатую заразу до забора, Сергей сначала кроважно оскалился, наблюдая за метаниями птицы, а потом озадаченно почесал затылок. Вот что он теперь должен сделать? Зажать в углу и грохнуть палкой. Как-то это... перебор прям. Тогда поймать и вышвырнуть к чертям? Но петух решил сию дилемму самостоятельно. Громко захлопав крыльями, он взлетел на забор и спрыгнул на другую сторону. Подскочив к частоколу, Сергей с нескрываемым удовольствием наблюдал, как пернатая вражина улепetyвает по ничейной земле к ближайшим зарослям, за которыми поблескивала речушка. Мужчина не постеснялся освистать беглеца и даже для верности швырнуть ему вслед палку.

– И не вздумай возвращаться, скотина! – проорал он и с довольным видом отправился завтракать...

Глава 6 каннибалосражательная, в которой главный герой, не разделяющий идеалы высокой кухни, предпочитает среднестатистическую пользительную мужицкую яишенку

– Моя прэ-э-э-эльсть, – дурным фальцетом возопил Серега, бахнув плоды трудов праведных по центру стола.

Если кто-то из дам думает, что эксперименты высокой кухни, размазанные по огромному квадратному блюду в стиле рисунков Сальвадора Дали, могут восхитить мужчину, то, вероятнее всего, с этим мужчиной что-то глубоко не так. И даже возможно предположение, что данный индивид мужского полу как бы не совсем, собственно, этого полу есть. Среднестатистический мужик скорее поймает кайф от тарелки борща или шницеля на полстола, чем от пятидесяти грамм фуагра, погребенных под внушительным стогом издательски полезной зелени. Ну, оно понятное дело, товарищи не от мира сего, готовые на нечеловеческие жертвы во имя непонятно чего, а именно: вегетарианцы, веганы, сыроеды, фруктоеды и даже бретарианцы (в мире зафиксировано

аж 5000 таких дуралеев), периодически затесываются и в наши ряды, но процент их ничтожен.

Понятия, принципы, равно как и рецепты высокой кухни были для Сергея понятиями расплывчатыми и (после одного-единственного похода в модный ресторан молекулярной кухни с бывшей, ставшей бывшей именно после данного мероприятия) даже вредными для здоровья. Так что уж в плане жратвы Сергей не стеснялся причислить себя к среднестатистическому, самому что ни на есть обыкновенному мужику. Поэтому яишенку он себе соорудил тоже... вполне себе среднестатистическую и для мужского здоровья, безусловно, полезительную: шмат сала, порубленный как придется, луковица одна средняя, порезанная почти кольцами, пара помидорок, попиленных туповатым ножом на четыре кривеньких кружочка, и пяток яиц, заливших этот радующий глаз шкворчащий натюрморт.

Радующая нескромными размерами сковородка воцарилась в центре и молча повелела:

– Хлеба! И пока обойдемся без зрелищ.

Заложник революционной ситуации желудка, который отказывался и далее терпеть издевательства и лишения, поплелся обратно к кухонному столу, чтобы нарезать основы мирного правления любого государя. Толстый ломоть хлеба действительно прекрасно дополнил бы королеву утренней еды, оттенив ее царственный вкус и позволив вымокать в конце пиршества самый смак с донышка сковородки.

«Надо бы нож поточить», – подумалось опять непрофессиональному кулинару.

– КУ-У-У-УПИ-И-ИТЬ! – внес с подоконника кухни предложение заклятый враг.

«Убить. Сперва убить», – озвучил окончательное решение внутренний самец, вспомнивший о своем статусе альфы, глядя на фонтанчик крови, тугими толчками вытекающий из распанаханного тупым ножом пальца.

– Ах ты!.. – взвыл Сергей и рванул к пернатому провокатору, но тот с легкостью перепорхнул на ветку яблони, росшей под окном. Не обращая внимания на лучи смерти, щедро льющиеся из пылающих праведным гневом очей своего оппонента, петух вытянулся во весь рост, запрокинул голову и раздул грудь, явно собираясь издать вопль подлого торжества.

Исторгнув рев, устранивший бы и тиранозавра, взбешенный голодающий перехватил нож лезвием вниз, как натуральный головорез, и практически снес молодецким плечом дверь, вылетая во двор. Отскочив от стены, незаслуженно обиженный предмет интерьера долбанул его по заднице, придавая больше ускорения. Но, оббежав дом, мужчина не обнаружил никаких следов сатанинского отродья в перьях. Подозрительно он осмотрел окрестности, кроны деревьев, даже на крышу заглянул. Не могло же ему причудиться, не настолько у него уже нервы не в порядке. Крадучись, он дважды обошел вокруг дома и, сдавшись, поплелся к двери, под

аккомпанемент вконец озверевшего желудка. Но едва вошел, замер как вкопанный, увидев петуха, с невозмутимым видом долбящего что-то прямо в его сковородке с кулинарным великолепием. От избытка нахлынувших чувств у голодного страдальца даже голос отнялся, и он, только невнятно промывав, указал ножом на коварного грабителя, будто просто поверить не мог, что такая наглость может вообще существовать в принципе. Заметив и самого хозяина дома, и его живую заинтересованность в собственной персоне, петух, издав свое издевательское «Куо-о!», отпрыгнул от сковородки, попутно скинув хлеб, и замер, уставившись одним глазом. Тягучая капля желтка свесилась с его клюва и смачно шлепнулась на столешницу, став последней каплей и для Сергея.

– Сука! Ты еще и каннибал! – завопил тот и метнул нож, сшибая остатки поруганного врагом завтрака на пол. Естественно, сам виновник погрома снова благополучно ретировался в окно, но мужчина уже принял судьбоносное решение и вмиг преисполнился убийственным спокойствием. Захлопнув окно, он уничтожил следы вторжения, игнорируя повышенное слюноотделение и заунывные песни нутра, перебинтовал, как смог, палец и переоделся. Усаживаясь в автомобиль, он бросил обещающий скорую расправу взгляд на разноцветное пернатое воплощение Мефистофеля, и с визгом выехал со двора.

Но тут же был вынужден затормозить, от неожиданности едва не расквасив нос об руль. Потому что давешняя знако-

мая – отравительница баба Надя – стояла прямо на дороге и даже не думала посторониться, наоборот, подошла и ткнула пальцем в стекло на его водительской двери. То, что старость надо уважать, Сергей не мог забыть даже будучи очень злым и голодным, поэтому послушно нажал кнопку, опуская преграду.

– Доброе утро, – поздоровался он первым, снова смущенный тем, как пристально рассматривает его эта странная пожилая женщина. Не с вежливой имитацией интереса или нездоровым любопытством из разряда «Скажи мне, что у тебя плохого», а так, словно ей не плевать на него, вообще постороннего человека, и это по-настоящему сбивало с толку.

– Что-то не похоже, что тебе оно доброе. Вон сбледнул, хуже вчерашнего стал! – Да уж, ходить огородами бабуля явно не собиралась. – Чай не жрамши ниче с утра?

Он честно хотел все отрицать, но зверское рычание желудка спалило его с потрохами. Только и осталось, что поразенчески сглотнуть.

– Вылазь давай! – скомандовала баб Надя. – А то помрешь еще, а люди скажут, ты куды, Надька, сморела, что сосед-он твой с голоду помер у тябя под боком. Вылазь, сказала!

Глава 7 вопросызадавательная, в которой главный герой оказывается не только досыта накормлен, но и с пристрастием допрошен

Усадив гостя за большой стол, одним боком притулившийся к стенке огромной русской печи, бабка поставила перед ним глубокую тарелку с крупными ломтями желтоватого творога, алеющего всполохами давленной клубники и сверкающим песчинками крупного сахарного песка. Следом за тарелкой на столе материализовалась младшая сестра глиняного монстра, принесшего в жизнь городского жителя забываемые пасторальные ночные пейзажи, прекрасно обозреваемые из щелей нужника.

– На-тко, творожку со сливочками свежими. Токма ты это, смори мне, не вздумай нынче огурцов зеленых поесть. А то знаю я вас, городских. Ох и непутевые вы.

– А что не так с зелеными огурцами? – искренне удивился Сергей.

– Да усе так с ими, токмо вот не соседствуют оне ни с молочком, ни со сливочками. Так не соседствуют, что ни Боже мой как просратья можно, ох, спаси душу грешную, что ж я

к столу-то такое говорю. Капустку вот квашеную можно, аль груздей тоже. А вот огурья свежие – ни-ни.

«Ой, дура-а-ак», – захихикал debil.

«Сам дурак, гы-гы-гы, – передразнил Сергей. – Откуда бы мне знать, что это несовместимые продукты. Значит, зря на бабушку грешил».

– ... с медком. Ты какой большее полюбишь – в сотах аль такой – выгнанный?

– Ась? – переспросил погрузившийся во внутренний диалог гость.

– Грю, вон булка есть, свежая, вчерашняя, можешь с медком закусить.

– А, нет, спасибо. Я уже наелся. Правда. Очень вкусно. – Сергей даже уже немного привстал на стуле, обозначив готовность откланяться и не напрягать боле гостеприимную хозяйку. Но не тут-то было.

– Вот и хорошо, что наелся. На голодный желудок разговоры-то вести – последнее дело, – хитро сверкнула глазами местная бабушка-ёжка, на что Сергей чуть было не ляпнул: «А как же в баньке попарить да спать уложить?» Но благоразумие, глядя на примостившиеся у печи настоящие ухваты и огромную деревянную лопату, на которой его, скорее всего, на этих словах засунули бы в печь, пересилило взыгравшую было богатырскую силушку, и он с тихим вздохом послушно уместил зад обратно на стул.

– А и вот скажи-ка мне, Сергей батькович, жанат ли, иль

баба есть, дети, родители, работаешь где, живешь как, много ль пьешь? – напевной скороговоркой выдохнула баба Надя.

«Ох, не расплатишься за творожок и сливочки», – покачал головой debil.

«Засада», – уныло согласился мужчина.

– Не женат, детей нет, родители... родители живы-здоровы, – с легкой запинкой оттарабанил Сергей. – Работаю, ну, работаю, да. В конторе одной. Э-э-э, экономистом, – признаваться бабке, что является трейдером, зарабатывающим себе и другим на валютном рынке, он не решился. Во-первых, бабка все равно не поймет сути его деятельности, во-вторых, еще подумает, чего доброго, что он миллионер, гребуший деньги лопатой, не-е-е, чур-чур, обойдемся без подробностей.

– Экономистом? – удивилась бабка, окинув его внимательным взглядом с головы до ног. – Ох, горемычный! Да как же тебя угораздило-то? Аль совсем со здоровьем плохо?

И столько неподдельного сострадания и участия было в ее глазах, что Сергей невольно ощутил себя и правда беднягой горемычным. Но пересилил жалость к себе и все же спросил:

– А что не так с профессией экономиста?

– Да как же? – снова поразились недогадливости гостя бабка. – Это ж какой нормальный здоровый мужик пойдет с бумажками ковыряться в пыльном кабинете, а? Токмо с детства хилый да болезный. Здоровые, оне вон в армию идут, в полицию, али там инженером на завод, егерем опять же, да

на лесопилку. А хучь и трактористом – тоже здоровья немало надо, особливо по страде-то. Оно ж как – сильные должны работать работу для сильных, а слабые – для слабых. Вот и спрашиваю – болел небось в детстве?

На такую нехитрую бабкину логику Сергей даже не нашелся, что сказать. В голове мелькали аргументы вместе с фактами о механизации и автоматизации множества работ, не требующих простой грубой силы, и о редкости таланта, вернее сказать, настоящего нюха на прибыль от заключаемой сделки, без которой ни один брокер не продержится и сезона на бирже. Но все их пришлось проглотить. Именно в этот момент он понял смысл присказки, которую однажды услышал от одной знакомой женщины, рассказавшей, как переспала с мужиком, который ей ну вот ни капельки не нравился: «Ой, да ему легче дать, чем объяснить, почему не хочешь».

– Болел, – «чистосердечно» выдал страшную тайну допрашиваемый.

– А чем болел-то? Свинкой болел? А желтухой? А этой, как ить ее, краснухой, во! – не унималась интервьюэрша.

«Она точно не из военкомата?» – опасливо поежился дебил.

«Пора линять», – принял решение наевшийся пленник.

– Э-э-э, Надежда, извините, не знаю, как по отчеству. Вы меня простите, очень вкусно было, правда. И интересно. Но, знаете, у меня тут дел еще немало. Сами понимаете – только приехал, не все распаковал. Творог – вкуснейший, в городе

такого не найдешь. Если позволите, я был бы рад покупать именно у вас два-три раза в неделю. И молоко. И сливки тоже, – проговаривая все это, Сергей прижал руку к сердцу, как бы подчеркивая искренность своих слов, и начал медленно привставать со стула. Процесс этот он старался произвести со скоростью знаменитого Махмуда Эсамбаева в его знаменитом «Золотом боге», то есть так, чтобы бабка и не увидела, что он встает до ее разрешения.

– Ага, ну ладно, коль спешишь, – неожиданно легко смиростивилась соседка. – Ток ты так и не ответил – баба есть аль нет?

«...ты, Сергуня, деда слушай и на ус на свой сопливый-то мотай, – выдыхая горько-сладкий густой дым собственно-ручно выращиваемого самосада, басил дед – станичный атаман из самой что ни на есть настоящей кубанской вольницы. – Баба должна быть жопаستا и титяста. Шобы, значицо, сынов тебе крепких рОдить и выкормить, понял? А енти вот нонче модные моли бледные – тьху одним словом. Смотреть-то глазам больно, а уж вдуть так и вовсе страшно – а ну как сломайтцо? И цыть мне! Не кривися, малой больно, на деда кривиться! Сам вот подумай, – и дед начал загибать мозолистые узловатые пальцы, которыми, несмотря на почтенный девятый десяток, по-прежнему мог согнуть пусть не подкову, но нехилый такой железный прут: – Днем хто по хозяйству цельный день крутится? Баба! А за скотиной ходит да жрать на всю семью хто готовит? Баба! А детей кто ро-

жает? А ночью к ребетенку хто первым подрывается? Опять же баба! А ежель в ей весу три пуда от силы – откеля мОчи взяться? А окромя ребетенка ночью ей ишшо мужика своего обскакать надо? Надо! А иначе мужик другую пойдеть объезжать, а ты шо думал? Мужик – скотина-то норовистая, ему рука крепкая нужна, такая, шоб и за чуб, и за корень могла оттаскать так, чтобы спал токмо на своей лавке и пузыри счастливые во сне пускал...»

Вспомнив тонкую фигурку Юли, ее нежные ручки с идеальным маникюром, брезгливое выражение на лице при укладке чашек после утреннего кофе в посудомоечную машину, ее «Серюня, ну давай лучше в наш любимый ресторан сходим» и готовность тусить ежевечерне, Сергей ответил совершенно честно:

– Нет. Бабы у меня нет.

Глава 8 медосымательная, в которой главному герою искренне советуют держаться подальше от особо опасного объекта

– НАСТЬКА! – гаркнул вдруг в сенях мужской голос.

Соседка, секунду назад светившаяся искренней лучистой улыбкой, вмиг превратилась в ту самую ведьму, испугавшую Сергея в первую встречу соколиным пронзительным взором, и завопила в ответ:

– Ах ты ж окаянный! Опять приперси!

Дверь в хату распахнулась, и взору сытого экономиста предстал очередной харАктерный деревенский персонаж: высокий худющий дед, опирающийся на суковатую крепкую палку ростом с него, в выцветшей кепке, держащейся на крупных, слегка оттопыренных мощных ушных раковинах, в ватнике и валенках, несмотря на летнюю жару, и офигенски дорогих очочках в тонкой металлической оправе – уж Сергей, посадивший за компьютером зрение и вынужденный носить очки для работы, разбирался в дорогой диоптрии.

– НАСТЬКА! ХОДЬ СЮДЫ! – снова заорал дед.

«Уй, ё-моё, да что ж они все такие громкие», – пошурудил пальцем в ухе оглохший дебил.

«Местный колорит?» – предположил горожанин.

– Да че ж ты так орешь, шальной! – закричала в ответ баба Надя.

– АСЬ? – переспросил обладатель мощнейшего природного долби-сарраунд.

– Чё притащилси? – переформулировала вопрос соседка, добавив децибел.

– А ТЫ ЧЕГО КРИЧИШЬ НА МЕНЯ? – возмутился некуртуазностью вопроса дед.

– Да тьфу на тебя, дрыщ глухой, – махнула рукой баб Надя и повернулась к Сергею, чтобы, очевидно, что-то сказать.

– Я НЕ ГЛУХОЙ! – рассердился посетитель и даже пристукнул палкой от негодования. – ЭТО ТЫ ВЕЧНО МЯМИШЬ, ХРЕН ПОЙМЕШЬ ТЯБЯ.

– Да йди ты отселя! Дай с человеком нормальным пообщаться. Пристал, что твой слепень, пока не хлопнешь – не уgomонится! – раскраснелась бабка, уперев руки в боки.

– НАСТЬКА, МНЕ МЕД НАДО СЫМАТЬ. ХОДИ СО МНОЙ. ПОМОГАТЬ БУДЕШЬ, – поставил в известность дед и, не дождавшись ответа, развернулся и двинул на выход.

– Не называй меня Настькой! Сколько раз говорила! – высунувшись в окно, погрозила кулаком баба Надя, на что «дрыщ» вполголоса пробубнел:

– Анастасия Ни-и-иловна, – и ехидно подмигнул разъяренной бабке, сняв при этом кепарь и совершив им замысловатое движение в воздухе, очевидно призванное обозна-

чить вежливый поклон.

– Ат, зар-р-раза, – смачно сплюнула, как наконец-то выяснилось, Анастасия Ниловна и повернулась к тарашившему на нее глаза Сергею. – А ты, милоч, не слушай этого пердуна старого, зови меня бабой Надей. Мне так ловчее. Ну, зар-р-раза! Мед ему сымать надо! – передразнила сердито сверкнувшая глазами фурия, но, наскоро попрощавшись со спасенным от голодной смерти соседом, засемила в сторону огромного деревянного шкафа, приговаривая:

– А хде ж мой платок белый, куды ж я в цветастом-от к пчелам сунусь?

Набитое брюхо оказалось не только глухо к учению, но еще и величаво отмахнулось от утренних кровожадных устремлений альфа-натуры к справедливому возмездию. Умиротворенный деревенской домашней кисломолочкой ЖКТ распространил по членам сытую негу и вальяжную ленность. Через час, повалявшись на диване и даже слегка вздремнув, теща ошастливленную утробу, новоявленный сельский житель решил, так сказать, провести рекогносцировку на местности и пройтись по ближайшим улочкам, надеясь отыскать в этом прелестном среднерусском Эдеме некие признаки цивилизации в виде магазина с проверенными городскими продуктами, возможно, почтамт, дай бог, аптеку или медпункт, автобусную остановку и прочие первые к взятию в условиях успешного восстания, по заветам Ильича, опорные пункты административной единицы, гордо имену-

ющей себя село Апольня.

Широкая утоптанная глинистая (чи суглинистая, он не особо в этом разбирался, но красноватый цвет грунта приметил) дорога пролегала прямо рядом с его домом. Взглянув направо, мужчина увидел лишь несколько домов, судя по виду, пустующих, и примерно на расстоянии двухсот метров даже перечеркнутый знак, за которым лишь шумел высокой стеной густой мрачноватый лес.

«О! Нам налево! Люблю туда ходить», – радостно возвестил дебил.

«Ну, значит, сегодня идем налево. Уговорил, чертяка красноречивый», – согласился Сергей и, насвистывая незамысловатую мелодию, неспешно двинулся по щедро залитой июльским полуденным солнцем улице.

В деревне кипела жизнь: брехали на проходящего мимо незнакомца псы, кудахтали куры во дворах, где-то звучал детский плач и успокаивающее курлыканье женщины, сидевшие на лавках бабки в цветастых платках звонко здоровались, нет-нет да и спрашивая: «Ты Палны, чо ле, сынок? Аль Мишкин?» На что беспечный гуляка лишь вежливо улыбался и отрицательно качал головой, не забыв разумеется, учтиво вернуть пожелание здоровья. Уткнувшись в огромную лужу ржаво-коричневого цвета, разлившуюся на всю перспекту, Сергей решил свернуть с основной многополосной трассы и обойти через неприметную тропку между двумя здоровенными дворами. А через десять метров благолепной

тишины на него обрушились знакомые голоса.

– Да шоб тебя бесы взяли, сучий потрох!

– ДЫК ДЕРЖИ ОТСЕЛЯ, МНЕ ОТТЕЛЬ ВЗЯТЬСЯ НЕ МОЖНО НИКАК!

– Да шоб тябе... Уй! Пшла, зараза!

– АТ, ИБИЕГОЗАНОГУ! ТЫ РУКАМИ НЕ МАХАЙ!
ТЫ РАМУ-ТО ДЕРЖИ, КОМУ СКАЗАЛ!

– Ай, к ...ую иди, пень старый! Уж пятая ужалила!

– А МЕНЯ ДЕСЯТАЯ, ДУРА ТОЖ МНЕ МОЛОДАЯ!
КУРИ СЮДОЙ! ДА ЖАМКАЙ ТЫ ЕГО, КАК МУЖИКА
ЖАМКАТЬ НАДО! ЗАБЫЛА, ЧО ЛЕ?

– Ат я тябе пожаткаю! Так пожаткаю, что... Ай! Да в ...
уй твой мед! Я лучшее у Кольки Гугнавого возьму, чем с то-
бой ишшо раз... А-а-а! Две сразу! Ох божечки! Хучь одуван
в твоём огороде есть?

– ТЕБЕ ЗАЧЕМ?

– За надом! Растереть и приложить! Ох матушка, Царица
небесная, жжет-то как!

– НАССАТЬ МОГУ, ТОЖЕ ЛЕГШЕЕТ, ЕЖЛИ
НАССАТЬ ВОВРЕМЯ.

– Да в рот себе нассы, дурень колченогий, охренел совсем!

Завороженный экспрессией диалога двух уважаемых по-
жилых пчеловодов, Сергей аккуратно привстал на цыпочки,
пытаясь заглянуть за высокий плотный забор.

– Ой, дядь, ты лучшее не суйся туды, – посоветовал дет-
ский голос из-за спины. – Оне когда мед у двоих сымають,

пчелы дуже злые потом становятся, точно псы цепные. Надо было мамку им звать. У нее пчелы будто ручные совсем – не жалют, не кИдаются.

На расстоянии пары метров стоял, поддерживая здоровущий взрослый велосипед и настороженно зыркая по сторонам, рыжий пацаненок – Тоха, кажись.

– Да и ба с Алексеичем сейчас тож будут... не в духах. Пошли-ка отселя, пока и нам не досталось, – явно наученный горьким опытом молодой абориген просунул ногу под высокую раму древнего драндулета и, скособочившись, но умудряясь при этом как-то держать равновесие, двинул по тропинке. Подальше от особо опасного объекта.

Глава 9 душещипательная, в которой главный герой невольно задумывается о несовершенстве трудового законодательства и крайне скромно оценивает свою весовую категорию

Реалити-шоу за забором было чрезвычайно занимательным, но предупреждению малознакомый с местными реалиями зритель все же внял и за несколько шагов нагнал пацаненка, пристроившись рядом. Конечно, он не воспылал внезапной любовью к общению с детьми, но этот, по крайней мере, был уже самостоятельно передвигающимся и внятно говорящим, что являлось в глазах мужчины огромным преимуществом и поводом не попытаться сразу скрыться в неизвестном направлении. К тому же после утреннего допроса душа Сергея требовала компенсации в виде встречного потока информации, а мелкий казался вполне подходящим источником.

— А мама у тебя кто? — Разумеется, он, сложив два и два, догадался уже, что Тоха является отпрыском госпожи участковой, к тому же неуловимое внешнее сходство было оче-

видным. Но ведь существовала вероятность того, что мелкий приходится ей, скажем, племянником. Вот и с чего его вообще занимает сей вопрос? Да потому что для появления на свет этих самых детей требовалось обычно два родителя, сюда-то вряд ли докатились феминистские веяния и мода рожать ребенка «для себя», воспользовавшись спермой безымянного донора. А значит, предположительно, где-то существовал мужик, вполне вероятно, даже законный супруг Лилии Андреевны, который мог оказаться совсем не рад ее ночным визитам к соседу. Воображению Сергея неожиданно явился здоровенный рыжий детина, причем с длинной штакетиной наперевес. Так, стоп! Почему это «визиты» во множественном числе?

– Мамка у меня участковый! – покосился на него мальчишка так, будто не знать таких вещей не просто странно, а прямо-таки кощунственно. Типа как быть не в курсе, кто сейчас президент.

– А отец твой где работает? – Очень тонко, Серега! И куда только девалась твоя способность нутром чутать, какой подход нужен к каждому инвестору, за который тебя так ценили партнеры?

Пацан дернул головой, отворачиваясь, и громко засопел, худенькие плечики опустились, так что оттопырились под линялой майкой острые ключицы.

– Нету папки! – буркнул он дрогнувшим голосом. – Погиб он. На пожаре.

– М-м-м, – вербальное выражение сочувствия никогда не было сильной стороной Сергея. Не потому что он этого самого сочувствия не испытывал, тут уж, скорее, наоборот. Просто в его жизни не случилось как-то настоящих потерь. Родители живы, хоть и развелись, но без скандалов и драмы. Ну не нравились ему ни новый муж матери, ни слишком молодая супруга отца, но это же не трагедия. Свел общение к звонкам по праздникам, и все на этом. Друзья тоже живы-здоровы. Даже расставания с женщинами Никольскому всегда давались легко: ни тебе запоев, разбитого сердца, ночных эсэм-эс с проникновенными текстами, ни одного-единственного мордобоя, на худой конец, разошлись и ладно. Короче, когда он сталкивался фактом, что кто-то пережил реальную утрату, то страшно терялся, ощущая себя вроде как виноватым за то, что все-то у него в жизни благополучно и проблемы если и есть, то все какие-то мелкие по сравнению с тем, что довелось испытать другим. Вот и сейчас он понятия не имел, как реагировать на то, что его вот так остро резануло по чему-то неожиданно чувствительному этой ломкостью в пацаньем голосе, и ляпнул первое, что в голову пришло:

– Давно?

– Уж четыре года как. Я малой совсем был, – буркнул Тоха. – Папка у нас пожарный был.

– Героическая профессия, – рассеянно отметил экономист, вспоминая причитания бабы Нади, когда сказал, кем сам работает.

– О, вон и мамка с лесопилки едет! – обрадованно вскрикнул Тоха, и Сергей увидел дальше по улице белую «Ниву». Творение отечественного автопрома явно каких-то лохматых годов производства прыгало и покачивалось на ухабах, победно преодолеvalo глубокие колеи, натужно подвывая движком и скрипя всеми своими уставшими от жизни такой железными членами. Поравнявшись с ними, Лилия Андреевна остановила машину, но глушить не стала.

– Здравствуйте еще раз, Сергей Михайлович, – поздоровалась она, посмотрела на сына и улыбнулась так, что у нервно-нестабильного трейдера аж дыхание перехватило. Неприкрытая нежность и прямо-таки обожание лучились от этой женщины, щедро изливаясь на мальчишку, невольно задевая и его. Самым вроде краешком, но достаточно для того, чтобы Сергей застыл немым чурбаном, неотрывно пялясь на эти ямочки на щеках и крошечные лучики-морщинки вокруг ярко-голубых глаз.

– Малыш, у нас все в порядке? – спросила госпожа участковый, и Тоха тут же недовольно скривился и покраснел, смущенно покосившись на спутника.

– Мам, ну какой я тебе малыш? – недовольно буркнул он. – Нормально все. Баб Надя с Алексеичем мед сымают.

– Сильно шумят? – нахмурилась Лилия Андреевна.

– Да как всегда! – отмахнулся пацан. – Ма, я к Ваньке на часик смотаюсь?

– Но только на час! – сделала строгое лицо женщина, но

улыбка из ее глаз никуда не исчезла. – А то знаю я вас. И чтобы на речку без взрослых ни ногой!

– Ла-а-адно! – протянул Тоха уже на ходу. – Пока, дядь Сережа!

Лилия Андреевна, развернувшись на сиденье, не просто проводила сына взглядом, а будто обласкала его тощую фигурку, и у мужчины что-то внутри заскреблось... ревнивое, что ли. Вот ведь ерунда!

– Вас подвезти куда-нибудь, Сергей Михайлович?

– Да я, собственно, магазин искал!

– Ну тогда вам точно не туда! Хотите покажу?

В магазин он хотел, а вот оказываться слишком близко к ней – нет. Потому что тогда начинало хотеться совсем уже не еды. Но не стоять же столбом. Открыв дверцу, издавшую истошный скрип, Сергей забрался в салон, усаживаясь на потрепанное жизнью сидение, которое тут же нежно приникло к его заднице и спине всеми своими пружинами. С первого раза дверь не закрылась.

– Сильнее надо! – прокомментировала госпожа участковый и, стремительно перегнувшись через него, чуть ли не укладывая грудь на его колени, шарахнула дверью так, что он совершенно точно оглох на одно ухо. Великолепно, он теперь контуженый придурок со стояком. Хорошо хоть Лилия Андреевна смотрит на дорогу, а не на него, ерзающего в тщетных попытках пристроить свою проблему поудобнее.

Притормозив около двора, где происходило представле-

ние, на веки вечные врезавшееся в память городского жителя, Лилия Андреевна открыла дверцу и, выскользнув из машины, встала на подножку.

– Ма-а-ам! – закричала она. – Вам помощь нужна?

– Да иди ты, Лилька, отсель! – «вежливо» ответили ей с той стороны забора. – Небось сами не безрукие!

Нисколько не обидевшись, «Лилька» села за руль.

– Вот уж... неугомонные. Один глуховатый, другой психоватый. Как вместе соберутся – так хоть святых выноси, – с едва сдерживаемой улыбкой прокомментировала затихающую за забором бурю эмоций участковый. – Ну что, в магазин? – переспросила она, и он кивнул, все еще прислушиваясь к переругиваниям двух отечественных производителей меда, которые странным образом стали напоминать уже некий... флирт, что ли.

От молчания было неловко, и Никольский спросил первое, что пришло на ум:

– А у вас так принято – к родителям на «вы» обращаться?

– С чего вы взяли, Сергей Михайлович?

– Ну вы же Анастасию Ниловну на «вы» называете.

– Так она мне не мама, – горько улыбнувшись, вздохнула участковый. – Свекровь она моя. У меня родителей и вовсе нет. Детдомовская я. А как мужа моего, Аркаши... – голос ее дрогнул, и она закашлялась, – как Аркаши не стало и мы с Антошенькой одни в городе остались, так она и забрала нас к себе. Так и сказала: «Чем по одиночке выть да на судьбину

тяжкую бабскую жалиться, давай-ка у двоих Антоху рОстить будем».

– И что, согласились? – Нет, ему не понять, что можно ощущать в такой ситуации. Он и пытаться не будет.

– Ну... сперва поупиралась, конечно, – покачала головой Лилия Андреевна, сосредоточившись на объезде очередной огромной лужи. – Все же у меня неплохое образование юридическое, я к тому времени и на работу уже вышла, думала карьеру строить, адвокатом хотела стать по семейным делам. У меня это неплохо стало получаться. Прямо с первого дела порученного. А потом Антошка заболел, как раз перед важным судом. В ясли не отведешь, на няню тогда денег и не было, в общем, не пошла я на тот суд. Ну и... на следующий же день позвонили и вежливо попросили из конторы.

Да уж, город есть город. Личные трудности никого не колышут, когда они мешают профессиональной деятельности. Сергей внутренне поежился, вспомнив, как полгода назад с их фирмы вот так же «ушли» мать-одиночку с чересчур часто болеющими детьми. Странно, что никто, даже коллеги женщины, особо ее не жалел. Всем плевать.

– И вот села я вечером на кухне, Антоху качаю, а он горит весь, полыхает прям. И думаю – а и правду говорит свекровь: вдвоем нам будет легче ребенка вырастить. Ее сюда не вытащишь – как деревенского жителя, привыкшего к таким просторам, в однокомнатной клетушке на девятом этаже заставить ютиться? Да и хозяйство у нее большое тогда

еще совсем было. А в деревне тогда уже пару месяцев как вакансию участкового не могли заполнить. Ну я и согласилась. Носом в районе правда покрутили, мол, баба, да еще и не из полицейской академии. Но тут и баб Надя выступила, да и деваться им особо некуда было. Так и оказались мы с Антошей из редких гостей постоянными жителями этого села.

– И что, совсем не скучаете по городу, Лилия Андреевна? Все-таки цивилизация, перспективы... – Понятное дело, деревня хороша здоровье поправить (не сказать, что ему это пока удастся), но на совсем... Нет уж, он бы так ни за что не смог. Не его это все однозначно!

– Да не особо, – пожала плечами госпожа участковый. – Здесь не надо соответствовать ничьим ожиданиям, пытаться дотянуться до очередной ступеньки в статусе, знай живи себе по совести. Ленивому-то тут не выжить, это да. А вот работающий ни голодным, ни холодным в деревне не останется. Одна беда – молодежь в свои семнадцать-восемнадцать этого не осознает и бежит, а мужики, те, что повзрослее, э-э-эх, пьют тут многие, конечно. Не понимаю я, чего им не хватает.

Как раз в этот момент они поравнялись с одноэтажным зданием с выгоревшей вывеской «Ветерок», перед которым вели бурную беседу три женщины. Едва заметив машину, они развернулись, переглянулись, обменявшись быстрыми репликами, и уставились на него через лобовое так пристально, что у Сергея возникло подозрение, что говорили только что именно о нем. При этом самая молодая из женщин, рос-

лая такая дама очень в теле, крашенная блондинка лет тридцати пяти, тут же приосанилась и расплылась в чрезвычайно соблазнительной (на ее взгляд) улыбке, от которой мужчине резко расхотелось в магазин.

– Мы приехали, – сообщила Лилия Андреевна, кивая на здание со свежей побелкой.

– А вам... м-хм... самой ничего в магазине не надо? – с тоской протянул Сергей, наблюдая за тем, как дамочка на улице все больше приходила в состояние повышенной боевой готовности, поправляя здоровенные серьги.

– А мне показалось, что вы и самостоятельно умеете отбиваться от деревенских хищниц, – прищурилась женщина, едва заметно улыбаясь.

– А мне что-то кажется, что это не моя весовая категория, – буркнул приговоренный к закланию городской агнец, выбираясь из машины.

Глава 10

**люди добры посмотрительная,
в которой главный герой
вынужденно применяет
персональное оружие массового
поражения и демонстрирует
поразительно глубокие познания
отечественного автопрома**

– Ладно, не оставлять же вас на растерзание нашей местной белой акуле, – усмехнулась Лилия Андреевна и со вздохом выключила зажигание. – Только имейте в виду, что перед нами теперь маячит перспектива заводить эту колымагу с толкача.

Сергей подумал, что перспектива толкать этот металлолом его прельщает больше, чем необходимость держать возможную противобабскую оборону. Но едва госпожа участковый покинула салон, лучезарная выжидающая улыбочка на лице дородной местной красотки заметно померкла.

– Здравсте, Лиль Андревна! – хором поприветствовали две другие женщины их появление, а вот блондинка только недо-

вольно поджала губы.

Едва они поравнялись, дамочка пропустила участковую и стремительно преградила чужаку путь, так что он налетел грудью на ее верхние зна-а-чительно больше чем девяносто и едва не оказался на заднице.

– Извините, – буркнул мужчина, едва не заработав косо-глазие, оттого что старательно избегал смотреть на «бохат-сво», которое ему практически тыкали в лицо. Прямо дорожная подставка во всей красе.

– Мария Кирилловна я! – тут же перешла к активным действиям блондинка. – А вы кто будете?

– Сергей Михайлович, – вежливо представился он, аккуратно пытаясь обойти сие препятствие на дороге. Но не тут-то было. Несмотря на внушительное сложение, дамочка переместилась, словно ниндзя, опять подставляя его метущемуся взгляду обильное содержимое глубокого декольте своего яркого платья.

– А вы родственник Апраксинский будете, али как?

Да что же все тут считают своим долгом допросить его с пристрастием! Никольский мельком глянул вниз, на вздымающееся от дыхания море плоти. Еще и с применением спецсредств, наверняка запрещенных какой-нибудь Гаагской конвенцией.

– Нет, не родственник, – нахмурился он, начиная раздражаться, и уже решительно обошел даму, догоняя ожидающую его на пороге Лилию Андреевну. Вот могла бы и по-

мочь... как-нибудь.

– Дачник, значит! Тот, шо дом Чижовский купил? – и не подумали отстать он него.

– Он самый, – почти огрызнулся Сергей.

– Городской, значит. Сергей Михалыч, а вам домработница не нужна? Я такого видного мужчину и обиходила бы, и согрела, и обласкала! – Нет, ну ни фига же себе! Теряться сия мадам явно не привыкла.

– Петрищева, оставь ты в покое человека! – наконец соизволила вмешаться представительница власти. – Сергей Михайлович, нам стоит поторопиться. Машина остынет, вообще не заведем!

Экономист весь аж встрепенулся от пробирающих его нутро строгих ноток в голосе Лилии Андреевны и решительно двинулся к двери.

– Ой, люди добрые, посмотрите вы на нее! – вскричала Петрищева за его спиной так зычно, что мужчина аж споткнулся. – В покое оставь ей! А ты чего же чужим мужикам жизни никакой не даешь? Помышкаешь, как будто у них своих баб нету, деньги отымаешь, рекетирша в погонах! Местных запугала, так мало тебе! Теперь еще и за приезжих взялася! Думаешь, управы на тебе не сыщется?!

В процессе эмоционального монолога блондинка все наращивала громкость, демонстрируя мощь легких и трагизм, которой любая оперная дива позавидовала бы.

Откуда ни возьмись появились еще местные, причем все

сугубо женского пола, и стали переглядываться и перешептываться как будто в предвкушении долгожданного представления.

– Сергей Михайлович, вам же в магазин надо было, – спокойно сказала ему Лилия Андреевна и только после этого повернулась к скандалистке: – Гражданка Петрищева, ваше право жаловаться в любые инстанции, вплоть до прокуратуры, если вы считаете какие-то мои действия неправомерными!

Хотя тон участковой был холодно-официальным, на блондинку он подействовал словно ракетное топливо, которое плеснули в костер.

– Ах ты наглая какая! А то мы, простые люди, не в курсе, что у вас все схвачено, и жалуйся – не жалуйся, а все равно крайние мы будем!

– Гражданка Петрищева, не стоит обобщать себя с большинством жителей данного населенного пункта, – невозмутимо ответила участковая. – Если ваш незаконный бизнес страдает от моей деятельности, то большинство семей этому как раз рады.

– Это кака-така деятельность? Докажи! – уже откровенно брала на горло деревенская фурия. – За руку не поймала, так что не бреши! А мужики чай сами не дети малые, право имеют тратить кровно заработанные на что хотят!

– То есть спускать их на вашу самогонку, вместо того чтобы нести своим женам и детям? – пренебрежительно уточ-

нила Лилия Андреевна, по-прежнему не повышая голоса.

– А хучь бы и так! – Петрищева развернулась к зрителям. – У нас свободная страна или как?! До каких пор терпеть будем, бабоньки, что эта... нашими мужиками помыкает!

– А ты не «мыкай», Машка! – раздался голос из толпы. – Мы так всем довольны, а у тебя-то и мужика своего нету, чтобы рот раскрывала!

При этой реплике как по команде поднялся галдеж, и Сергею вдруг показалось, что его занесло в чертову птичью колонию, где все пытаются переорать соседа, высказывая свое мнение

– С такими как вы, Петрищева, боролась и бороться буду, и уж безразлично наблюдать за тем, как вы набиваете свой карман, пока дети чьи-то копейками перебиваются, не собираюсь! – отрывисто произнесла Лилия Андреевна и развернулась, явно собираясь покинуть сие сборище, к огромному облегчению мужчины.

– Ах ты, зараза ментовская! – змеей зашипела ей в спину блондинка. – Допросишься, что пустят тебе добрые люди петуха красного!

Участковая дернулась так, будто эти слова тяжелым камнем саданули ей между лопаток, и споткнулась. Никольский перехватил опустошенный взгляд ее широко распахнутых глаз, шокированный, что видит в них самые настоящие страх и боль, хотя какое-то мгновение назад женщина была невоз-

мутима. Сейчас же она побледнела до такой степени, что даже веснушки почти исчезли, и он вдруг отчетливо понял, что она готова рухнуть в любую секунду.

Дед Матвей, чью богатырскую статью унаследовал Сергей, умудрился вместе с саженым разворотом плеч передать внуку умение в критической ситуации издавать громовой командирский «рвав». И, надо честно сказать, использовал его господин Никольский очень и очень редко. Сам боялся последствий, после того как от этого самого его «рва» уписался от страха соседский доберман, а сам сосед, схватившись за сердце, сполз на ближайшую скамеечку с реальным сердечным приступом.

Но разворачивающаяся на его глазах эпохальная битва амазонок, пожалуй, была тем самым поводом это самое средство массового поражения использовать.

– А-А-АТСТА-А-А-АВИ-И-И-ИТЬ! – взревел Сергей, и от гласа его трубного, казалось, даже дрогнули стекла магазинчика.

– Ой, матушки, – несмело пискнул женский голос в ментально воцарившейся тишине.

– Р-р-развели галдеж! Курицы! – добавил Сергей Михайлович чисто мужицкого, на кубанской вольнице почерпнутого скепсиса в отношении гендерной принадлежности дискутирующих.

– Гражданка Петрищева, ваши угрозы в отношении участкового инспектора старшины Апраксиной были зафиксиро-

ваны мною на вот это мобильное устройство, – он грозно потряс зловеще сверкнувшим на полуденном солнце айфоном. – Так же, как и все произошедшее только что. Желаете ознакомиться с видеоматериалами, на которых прекрасно слышно, что именно вы говорите, а также отмечены все, – он обвел кровожадным взглядом притихшую стайку побледневших женщин, – повторяю, ВСЕ свидетели этой безобразной сцены? А? Желаете?

– Дусь, ты ш говорила, шо бабка Надька Людке шказала по шекрету, что он экономишт. А тут каратель какой-то на нашу голову, – прошамкал чей-то голос из толпы.

Да в гробу он, собственно, видал всю эту местную бакалею. Чай не помрет без хлеба и однопроцентного привычного кефира. Желание шоппинговать отнялось как и не бывало после такого выплеска. Подхватив Лилию Андреевну под локоток, гордый спаситель двинул к машине сквозь притихшую толпу женщин, взирающих на него с почти благоговейным ужасом.

– От зар... гадина какая, – беспомощно простонала соседка, безрезультатно проворачивая ключ в стартере. – Теперь только с толкача.

– Подождите, может, там ерунда какая-нибудь? Можно заглянуть вам под й... капот, – вовремя отвел глаза от трогательной синей жилки, бьющейся на изящной женской шее, Сергей.

– Да смотрите куда хотите, – обреченно махнула рукой

инспектор.

«Ты куда полез, дружище? – всполошился debil. – Мы ж в этом не волочем совсем! Ща все набранные баллы сольешь!»

«Отставить панику, – пожевал губу новоявленный авто-слесарь. – А вдруг повезет?»

На удивление им действительно крупно повезло – даже слабо разбирающийся в машинах трейдер заметил болтающуюся клемму аккумулятора. Нырнув обратно в окно со стороны пассажира, он деловито залез под изумленным взглядом Лилии Андреевны в бардачок, пошурудил там и вытащил на свет божий кусочек тонкой медной проволоочки.

– Я в жизни не видел ни одной машины, в бардачке которой не было бы такой вот очень нужной штуки, – важно провозгласил он и снова скрылся за поднятым капотом.

– Заводите, – крикнул он через минуту, и – о чудо! – старушка послушно заурчала с первого же поворота ключа.

«Краса-а-ава», – пропел довольный debil.

«Знай наших», – многозначительно поерзал левой бровкой Сергей.

Глава 11 охотаначинательная, в которой главный герой вытаскивает из глубин генной памяти навыки птицелова и дает неосторожное обещание одному хитрому помощнику

Очутившись в собственном дворе, который на данный момент был зоной конфликта личностных интересов, Сергей, воодушевленный недавней победой над норовистым техническим творением, деловито огляделся. К сожалению, под конец впечатление оказалось немного смазанным из-за напряженного молчания Лилии Андреевны, и мужчина пару раз открывал рот, чтобы как-то разрядить обстановку и отвлечь от дум и негативных воспоминаний, наверняка взбаламученных жестокой фразой заразы Петрищевой. Но, как всегда, в такие минуты его мозг наглухо забуксовал, и даже неугомонный внутренний дебил не счел нужным высказать одно из своих гениальных изречений. Поэтому, не реализовав себя в качестве утешителя, Никольский кипел нерастраченной энергией, требующей хоть какого-то выхода. А применение для нее найти было несложно.

Вообще-то, день не бесконечен, и если он ничего не предпримет, то еще одна ночь в сельскохозяйственном аду ему обеспечена. Ну, в самом деле, не может такого быть, чтобы поимка нарушителя его территориальных прав была не по зубам взрослому мужику с его уровнем интеллекта, на который до сих пор не поступало нареканий.

Разумеется, его первоначальный план отправиться в ближайший охотничий магазин, продиктованный состоянием голодного аффекта, выглядел обреченным на успех. Но по здравому размышлению только на первый взгляд. «Поймать» этого Мэрилина Мэнсона в перьях из ружья не составит особого труда. Сергей даже злорадно представлял, что после прямого попадания заряда дроби от гаденыша только кучка перьев останется. Но тут существовала малюсенькая загвоздочка. У мстителя не было ружья. И чтобы купить его, нужен как минимум охотничий билет и туева куча справок, насколько он знал. Нет, оставались еще боевые луки и арбалеты, но и тут затык. Мужчине ни разу в жизни не случалось стрелять. Естественно, в подкорке каждого нормального мужика сидит притаившийся и бьющий без промаха эльф Леголас или там вождь краснокожих в обнимку с Билли Кидом, и он, этот самый мужик, в глубине души уверен, что меткость и виртуозное владение любым оружием автоматом прилагается в качестве бонуса к его первичным половым признакам. Но Сергей обладал достаточно здравым взглядом на себя и свои скрытые и не очень способности, так что, пребывая в

адекватном состоянии, отдавал себе отчет, насколько низки его шансы поразить подлую птицу. Скорее уж это будут свои и соседские стекла, а то и собственные части тела. На новые травмы он был не согласен, поэтому решил пока пойти дорогой хитрости и ловушек, а не большой убойной силы.

Сзади к срубам притулился довольно большой дощатый сарай, содержимое которого мужчина еще не потрудился изучить, но был почти уверен, что найдет в нем все необходимое для конструирования нехитрой западни. Ключ от строения прилагался, так что после некоторого сопротивления ржавого навесного замка Сергей попал внутрь. Пара ласточек с тревожным щебетанием заметалась под потолком, переживая, видно, за сохранность гнезда, заботливо приклеенного к потолку, и Никольский на всякий случай настороженно замер, наблюдая за их суетой. Вдруг все птицы тут придерживаются кодекса некой солидарности и его обстреляют сверху жидким химоружием? Хотя, будь он на месте ласточек, сто раз подумал бы, стоит ли оказывать поддержку черно-красному бесовскому отродью, учитывая, с каким аппетитом тот с утра поглощал яйца. Убедившись, что покушение на птенцов не входит в планы Сергея, заполошные маленькие птички вылетели через широкую щель под крышей, отправившись по своим делам.

Осмотревшись, новый хозяин усадьбы нашел искомое. Среди пыли и многолетних гирлянд паутины на грубо скрученных стеллажах стояли приличных размеров деревянные

ящички. Старого образца, сколоченные из дощечек и обитые по краям для крепости жестяными полосками. Такие сейчас уже не используют, заменив повсюду на сетчатые легковесные пластиковые аналоги.

— То что надо! — ухмыльнулся мужчина, небрежно вытряхивая содержимое одного из них на пол. Что-то жалобно звякнуло, и Сергей заметил яркие осколки, просыпавшиеся из пожелтевшего газетного свертка. Присев и покопавшись, он понял, что варварски обошелся с целой коллекцией старых елочных игрушек. Разноцветные, некогда очень яркие шары, шишки, сосульки и бусы, все из настоящего стекла, довольно увесистые по сравнению с принятыми ныне украшениями, местами со сколами и облупившимся блестящим покрытием и почти стершейся росписью на мгновение показали ему самым настоящим кладом. Он буквально залип, застигнутый внезапной ностальгией, перебирая и осторожно укладывая обратно на полку бережно обернутые в бумагу и сваливавшуюся пыльную вату сокровища. Среди лета вдруг повеяло хвоей, цитрусами и шоколадом, химическим духом горящих бенгальских огней... в общем, детством. Что-то часто его стали посещать такие мысли, встрепнулся ловчий, напомнив себе, для чего, собственно, сюда явился.

Вытащив основу будущей ловушки во двор, коварный охотник огляделся в поисках строптивой дичи, о своей судьбе еще не догадывающейся. Красно-черный хвост мелькал в траве под яблоней. Ладно, с местом охоты определились.

Остались мелочи. Там же в сарае мужчина нашел моток тонкой веревки и топор. Бегло обыскав кусты, выбрал достаточно крепкую ветку нужной формы и, немного потюкав, придал ей идеальную форму двузубой вилки с длинной ручкой. На глазок прикинув ящик и своеобразный спусковой механизм друг к другу, остался доволен. Что теперь? В каждой приличной ловушке полагалось иметься приманке. Никольский снова посмотрел на мелькающий петушиный хвост и почесал затылок. Ему что, опять яичницу этому поганцу организовать? А вдруг тот гурман и одно и то же в один день есть не захочет? Что вообще едят петухи? Память подкидывала только какую-то чушь типа «выгляни в окошко, дам тебе горошка» или «кому что, а курице просо». Отрицать народную мудрость Сергей не собирался, но хотелось бы больше ясности. Все же горох или просо? Надо заметить, очень разные продукты по всем параметрам. Впрочем, вопрос риторический. Ни того, ни другого в его скудных запасах не имелось.

– Вот же, зараза, – уныло констатировал горе-охотник, но тут же воспрял духом. – Хотя...

Почти бегом он понесся в дом и выкопал в одной из еще не разобранных коробок банку сладкой кукурузы. Самого, к слову, недешевого производителя. Черт его знает, откуда она, вроде сам он ее не покупал.

Поколебавшись, взял ту самую горемычную сковородку и вывалил в нее содержимое жестянки, сглотнув от сладкова-

того аппетитного запаха и ругнув в очередной раз петуха. Одни убытки с этой скотиной пернатой и никакой же, блин, надежды на возмещение ущерба, не считая разве что чувства глубокого удовлетворения и возможности нормально спать.

Со сковородой наперевес Сергей пошел к предполагаемому месту происшествия и занялся окончательной подготовкой. Установив край ящика на вилку, он упер ее конец в землю. Злорадно косясь в сторону будущей жертвы его коварства, привязал веревку к другому концу палки-опоры и, отодвинувшись на пару шагов, дернул, проверяя свое творение на эффективность. Ящик тут же послушно упал вниз, точнехонько накрывая собой сковороду с приманкой. Идеально! Теперь осталась ерунда – занять стратегически удобный наблюдательный пункт, настолько удаленный, насколько хватит длины веревки. Хватило ее как раз до угла дома. Там новоиспеченный охотник и залег, растянувшись на животе прямо на прогретой солнцем земле, покрытой густой щекотной, вкусно пахнущей травой. Вкусно пахнущей? Он что, опять голодный?

Ничего не мешало сходить Сергею за стулом, но так было вроде как атмосфернее.

«В детстве в разведчиков не наигрался, бедняга?» – ехидно ухмыльнулся debil.

«А хоть бы и так! Право имею!» – встал в стойку мужчина. Лежа.

«Ну-ну, удачи, дитяtko» – фыркнул debil и самоустра-

нился.

Минуты шли, петух, несмотря на то, что Никольский установил ловчее сооружение буквально в нескольких метрах от него, не показывался. Не позарился на кукурузу или выдумывает новую каверзу? В то, что сие исчадье ада просто не заметило его приготовлений, мужчина просто не верил. А значит, обязательно выйдет и полюбопытствует, как можно нагадить хозяину территории. Солнышко и едва заметный ветерок будто теплые пальцы оглаживали его макушку и спину, умиротворяя. Трещали кузнечики, ссорились на крыше неуживчивые воробьи, очень издали доносились голоса местных, и чикен-хантера стало невольно клонить в сон.

– А че это ты делаешь, дядь Сережа? – раздался шепот над самым ухом так неожиданно, что куняющий Сергей чуть не взвился.

Ошалело покосившись, мужчина увидел Тоху, так же, как он сам, растянувшегося на животе справа и сверкающего на него полными любопытства голубыми глазищами на поллица. «Цвет точь-в-точь как у матери», – мелькнуло в голове у него. – Как небо в жаркий безоблачный полдень. Тфу, понесло на сравнения», – одернул себя Никольский, разворачиваясь к ловушке.

– Петуха я ловлю, – который, к слову, так и не подумал показаться. – Но он не ловится.

– Ты пробовал прикармливать? – деловито осведомился пацан.

– А это, по-твоему, что? – недовольно буркнул Сергей, кивая на сковородку с кукурузой.

– Это у тебя, дядь Сережа, наживка. А нужна еще и прикормка, – объяснил ему Тоха таким тоном, будто он не понимает самых элементарных вещей. – Ты чего, не рыбалил, что ли, ни разу?

Экономист только сердито покосился на мальчишку, но признался:

– Было раз. Давно. – На самом деле так давно, что он и не помнил ни черта, и в голову из всего порядка действий приходило только то, что на крючок зачем-то надо плюнуть. Может, ему и в кукурузу плюнуть стоило?

– Э-эх, правильно баб Надя говорит, – сочувственно вздохнул Тоха. – Городской ты. Совсем, – и тут же хитро прищурился: – Слышь, дядь Сереж, а если я тебе с Питбулем помогу, ты со мной на рыбалку завтра пойдешь? А то меня мамка одного на речку не пускает.

Вот же мелкий торгашенок! Ну да ладно, Сергею не жалко было пообещать, главное, чтобы с петухом выгорело.

– Пойду, – со вздохом сказал экономист, но счел нужным тут же предупредить: – Только не слишком рано, и снастей у меня нет. – Ага, и как ими пользоваться ни черта не помнит. – Червей тоже ты копаешь!

– Договорились! – просиял мальчишка, вскакивая, и трейдеру вдруг подумалось, что он позволил себя втянуть в нечто, о чем потом вполне возможно пожалеет. Но переиг-

рывать обратно уже было не с руки, тем более Тоха прогулочным шагом отправился к его западне и, зачерпнув горсть кукурузы, пошел в сторону скребущего в траве петуха.

– Спугнешь! – прошипел Сергей, когда до птицы осталось метра полтора и тот, встревожившись, поднял голову и уставился на Тоху своими блестящими камушками глаз.

Парнишка же, беспечно глядя куда-то совсем не в сторону петуха, забросил в рот несколько золотистых зерен и стал аппетитно жевать. Чучело в перьях наблюдало за ним с таким плотоядным интересом, что Сергей даже ненадолго запереживал за здоровье своего добровольного помощника. Тоже мне глупость. Ну что мальчишке может сделать этот карлик? Тоха тем временем забросил в рот еще несколько зерен, а одно, как бы невзначай сорвавшись, шлепнулось на землю прямо рядом с петухом. Реакция оказалась мгновенной. Метнувшись стрелой, петух заглотил его, словно оголодавшая пиранья. Есть контакт! Ох и Тоха, виртуоз!

Убедившись, что его уловка сработала, пацан развернулся и неспешно пошел в сторону ловушки, «случайно» роняя по дороге зерна. Петух послушно следовал за ним, будто зачарованный бросаясь на кукурузу, едва та долетала до земли. Как только Тоха миновал петухоловку и, не оборачиваясь пошел дальше, противник Сергея застыл как вкопанный, глядя на обнаруженное сокровище то одним, то другим глазом. Очевидно, он и правда только сейчас смог увидеть приманку. Мужчина чуть по лбу себя не треснул. Надо же ду-

мать было, что при крошечном росте дурацкой птице просто могло быть не видно его творение за высокой травой.

С уже знакомым «Куо-о-о!», в котором теперь отчетливо прозвучали нотки чистого счастья, петух ломанул к сквороде с вожделенным содержимым, а птицелов, издав победный вопль, дернул за веревку! Вскочив, он понесся к ловушке и едва сдержался, чтобы не исполнить какой-нибудь первобытный танец торжества вокруг нее.

– Ну что, мерзавец, попался? – плюхнувшись на карачки, Сергей заглянул в щель, но его радость немного померкла, когда он увидел, как вражина самозабвенно давится приманкой, очевидно, стремясь набить брюхо как можно скорее. А, между прочим, ему следовало испугаться по меньшей мере! Просто возмутительно!

– И чо теперь, дядь Сереж? – с любопытством смотрел на него Тоха, почесывая нос. – В суп его?

– В смысле? – не сразу понял мужчина. – А-а-а, нет.

Как ни крути, нахальную птицу он воспринимал как противника, а не как пищевой объект.

– Может, его пристроить кому? Только как можно подальше, – с надеждой посмотрел на мальчика Сергей. – Так, чтобы точно не вернулся.

– Мо-о-ожно, конечно, – задумчиво кивнул Тоха. – Баб Надя по выходным на рынок ездит в райцентр. Может, его там продать от греха подальше?

– Здрасте, а до выходных его что же, так и держать? – на-

хмурился Сергей.

– Та нет! У нас во дворе клетки есть пустые. Раньше кролей держали. Только чур ты его туда сам суй, дядь Сереж!

– А за шоколадку? – прищурился мужчина. Ну уж очень не хотелось ему соваться к этому карликовому монстру.

– Не-а, – проявил стойкость и несговорчивость мальчишка.

– Фиг с ним, – обреченно вздохнул Никольский и, чуть-чуть приподняв ящик, стал нащупывать тщедушное тельце, уговаривая себя, что ничего страшного с ним не будет.

Он ожидал сопротивления, но петух покорно дал обхватить себя и прижать к земле, пока мужчина просунул вторую руку и надежно обхватил свой трофей. Толкнув плечом ящик в сторону, он имел теперь возможность рассмотреть причину своей нервотрепки ближе некуда. Победа! Его гордыня вспылала и, очевидно, совершенно застила ему мозги, потому как другого объяснения для его последующей дурости просто не было. Оскалившись в злорадной ухмылке, Сергей поднял петуха на уровень лица, чтобы посмотреть в его наглые зенки.

– Ну что, сволочь, конец твоим издевательствам! – прорычал он.

– Не на... – предупреждающий вопль Тохи заглушил вой мужчины, когда петух, молниеносно вытянув шею, со всей дури клюнул его в нос и еще трижды куда попало, до того

момента как шокированный охотник на пернатых монстров отшвырнул его от себя.

– Да что ты такой... – топнул ногой пацан, наблюдая за победоносным бегством петуха.

«Это фиа-а-аско, брата-а-ан», – простонал debil, схватившись за окровавленную голову.

Глава 12 и сноваранылечительная, в которой главный герой задумывается об этимологии выражения «хранительница очага» и приходит к печальному выводу, что его ни разу в жизни не кормили нормально

– Малыш, что ты опять натворил? – встревоженный голос Лилии Андреевны заставил обоих борцов сопротивления пернатой угрозе повернуться.

– Чего сразу я-то? – насупился Тоха и обиженно покосился на Сергея.

– Это все я! – самоотверженно взял всю ответственность за инцидент на себя мужчина, вытирая с кончика носа повисшую там каплю крови, и скривился от жжения. Снова.

Опять он предстает перед этой женщиной дурак дураком, но что уж тут поделаешь. Похоже, это уже становится некой фишкой их взаимодействий.

– Не трите! Инфекцию занесете! – мягко прикрикнула участковый и окинула поле провального сражения взглядом. – За мной идите! Оба!

Сергей, и не подумав возразить, послушно поплелся вслед за Тохой, знакомо ловя себя на том, что буквально млеет от этого ее приказного тона. Что же за волшебство такое?

– Садитесь, Сергей Михайлович, – кивнула Лилия Андреевна, когда они вереницей зашли в соседний дом, и мужчина быстренько пристроил свое сидалище на место, где его утром сытно накормили, и не сдержался, шумно втянув пострадавшим носом уютный запах этого жилища. По сравнению с ним запах его городской квартиры показался бы каким-то... безликим, что ли. Бытовая химия, ароматизаторы воздуха... Он, собственно, уже давным-давно перестал даже замечать все это. А здесь пахло... ну, наверное, жизнью. Деревом, чуточку дымком, какими-то травами, чем-то по-настоящему съедобным, черт знает в общем чем, но хотелось это вдыхать и получать кайф от самого такого естественного процесса дыхания.

– Петуха опять ловили? – без малейшей тени насмешки спросила женщина Сергея, подходя к нему с кусочком ваты и смутно знакомой бутылочкой в руках, и когда он кивнул, удостоила «ну а ты-то чего» взглядом сидящего рядом сына.

– Ловил. А Тоха мне помогал. Я его, если что, практически принудил! – Не хватало еще, чтобы мальцу попало за участие в его аванюре. Нет уж, у них остается незаконченное дельце, а с учетом способностей парнишки, такой помощник ему еще понадобится.

– Ох, Сергей Михайлович, меня интересует, к чему он вас

принудил в обмен на свое участие, – едва заметно улыбнулась женщина.

– Ма-а-ам! – обиженно протянул мальчик.

– Ничего криминально, чесс слово! – ответил экономист.

– Рыбалка? Постройка шалаша? Возможность облазить ваш сарай на предмет обнаружения сокровищ?

– Первое. – Ого, сколько возможных вариантов! Прогодал он все-таки. Нужно было разрешить в сарае ковыряться, а теперь придется тащиться на рыбалку. Эх, кто же знал!

– Сынок, принеси, пожалуйста, картошки на жаренку, – попросила Лилия Андреевна, и тот сорвался с места раньше, чем она договорила. – Вы простите его, Сергей Михайлович, он ведь ребенок, и отца ему очень не хватает, поэтому может вести себя несколько навязчиво.

– Ничего подобного не было! Мне действительно пришлось очень к месту его помощь! – заверил Сергей.

– Настолько, что и на рыбалку пойдете? – участковая наклонилась к нему, демонстрируя смоченную бурой жидкостью вату, и мужчина затаил дыхание, завороченно рассматривая крапинки темно-синего в общей светлой глубине ее радужки, которые раньше не замечал.

– Ну, я вообще-то слово дал. Но если вы не одобряете, то конечно... – Мягкое прикосновение, и вдруг так адски зашипало, что Никольский чуть не взвился до потолка, шипя и едва сдерживаясь от ругательств. Она его чем, кислотой, что ли, обрабатывает? Мужчина гневно зыркнул на свою

добровольную медсестру, а Лилия Андреевна взяла и подула. Подула! Будто он маленький мальчик, готовый разныться от ерундовой царапины. Это внезапно смутило и... согрело. В голове чуть поплыло от запаха ее дыхания, а еще от острого желания немедленно узнать, прилагается ли к этому аромату еще и такой же головокружительный вкус. Сергей устался на губы Лилии Андреевны, ощущая, что собственные почему-то слишком сухие и зудят, и уже почти совсем не заметил нового жжения, улавливая лишь мягкие, так похожие на настоящую ласку поглаживания.

– Вы меня правильно поймите, я только «за»! – В голосе женщины не было страстных ноток, лишь беспокойство, и это слегка отрезвило уже поплывшего по волнам весьма далеких от пристойности фантазий трейдера. – Просто... Дети, особенно такие, как Антоша, имеют свойство быстро привыкать к людям и фантазировать о взаимной привязанности и симпатии со стороны взрослых. А это чревато.

Сказала и стремительно отвернулась, и Сергей нахмурился, борясь с чем-то весьма похожим на гнев, представив русую, голубоглазую детдомовскую девчонку Лилию, которой кто-то когда-то причинил боль, не забывшуюся и по сей день.

– Так вы считаете, что я должен отказаться от своего обещания?

– Нет, что вы, Сергей Михайлович! Неужели вы думаете, что я бы попросила вас выглядеть необязательным в глазах

собственного сына? Я ведь планирую вырастить настоящего мужчину, каким отец его был, так что положительные примеры только приветствую! Прошу только... не знаю уж, как сказать... соблюдайте дистанцию. Ведь вы скоро уедете и забудете, а мы... то есть Антоша все будет помнить.

Вот ведь оговорочка вышла красноречивая! Настолько, что его язык вдруг снова вышел из-под контроля.

– Может, и не уеду! – Чего? Молчи, дурило! Точнее, скажи прямо сейчас, что, конечно же, уедешь и совсем скоро!

Лилия Андреевна обернулась и посмотрела на него с каким-то новым интересом, что ли, и от этого праведные речи и поправки на честность застряли где-то по пути. А может, и правда не так уж и скоро он уедет? Несколько недель, это разве скоро?

– Столько хватит? – влетел в дом Тоха с пластиковым ведерком в руках, сбивая Сергея с мысли.

– Спасибо, малыш, – приняла Лилия Андреевна ношу сына. – Останетесь поужинать с нами, Сергей Михайлович?

– Только если вы мне позволите принять активное участие в его приготовлении! – с готовностью отозвался экономист. Уж в чем-чем, а в чистке картошки он силен!

– Ма, баб с утра сказала, что газ в баллоне закончился, а новые привезут только завтра. Эт только в печке теперь. Дров принести? – Антошка был похож на щенка золотистого ретривера, держащего в зубах мячик и упрашивающего хозяина поиграть с ним – столько готовности бежать, прыгать,

скакать, лишь бы рядом с любимым человеком, светилося в его огромных глазенках, так похожих на мамины.

– Принеси, сынок, кого ж еще мне просить, как не тебя? – мягко улыбнулась Лилия Андреевна и успела потрепать пацана по вихрастой головенке, пока он пулей не сорвался с места. – А Вам, Сергей Михайлович, вот нож, вот миска, воду в нее налейте из ведра, вон в углу стоит.

– А водопровода у вас нет? – удивился Сергей, припомнив вполне себе современное и исправно функционирующее обустройство и кухни, и даже ванной с недоделанным, но все же туалетом в своем новоприобретенном деревенском жилище. Вот, кстати! Надо бы до ума довести, набегался он по дощатым заведениям, как вспомнит, так бр-р-р-р, дрожь пробирает.

– Аркаша начал, но не успел закончить, – руки Лилии Андреевны на секунду замедлили процесс нарезки сала. – А денег на городского специалиста у нас нет. Да и привыкли мы. Ничего тут сложного нет. Нам на семью в день вполне хватает три ведра, не велик труд – десяток метров до колодца дойти, – спокойно ответила Лилия Андреевна, высыпая порезанное сало на большую, явно тяжеленную чугунную сковородку. Затем она подошла к огромному черному зеву печи, привстала на цыпочки, потянув на себя какую-то странную металлическую пластину в самом верху печной трубы, и от этого ее движения ткань форменной рубашки натянулась на груди, заставив Сергея гулко сглотнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.